

18+

АЛЕКСАНДР СКОПИНЦЕВ

В СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ

НЕИЗВЕСТНОЕ ЗОВЁТ



Александр Скопинцев

**В сердце вселенной.
Неизвестное зовёт**

«Издательские решения»

Скопинцев А.

В сердце вселенной. Неизвестное зовёт / А. Скопинцев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-683449-1

Звездолёт «Святогор» под командованием следователя Алексея Лебедева отправляется в дальний сектор Галактики — туда, где нарушена связь с отдалённой исследовательской станцией. То, что начинается как рутинное расследование, вскоре превращается в опасное противостояние разума, науки и одержимости. Перед экипажем открывается путь в самое сердце космоса — к границам возможного. Каждому из них предстоит сделать выбор: остаться свидетелем тайны или стать её частью.

ISBN 978-5-00-683449-1

© Скопинцев А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1 глава. Первый луч	8
2 глава. Бар разбитого сердца	14
3 глава. Когда космос заговорил	16
4 глава. Взрыв в пустоте	22
5 глава. «Святогор» уходит к звёздам	31
6 глава. «Валькирия» в тени	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

В сердце вселенной Неизвестное зовёт

Александр Скопинцев

Иллюстратор Александр Скопинцев

© Александр Скопинцев, 2025

© Александр Скопинцев, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0068-3449-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В XXIII веке человечество шагнуло к звёздам – не под единым флагом, а ведомое жёсткими амбициями корпоративных держав. Земля утратила своё былое значение: она стала лишь символической колыбелью, переполненной воспоминаниями, архивами и бюрократией. Истинные центры власти переместились на дальние орбиты – к лунным станциям, марсианским куполам и гигантским платформам в сиянии Юпитера и Сатурна.

Каждая корпорация превратилась в империю со своими армиями, законами и идеологией. Люди рождались, жили и умирали под эмблемой компании, не зная иной власти, кроме корпоративных советов. Даже любовь, брак и выбор профессии зависели не от воли человека, а от решений алгоритмов и правлений.

Среди множества держав две стояли особняком.

Корпус Развития Землян – наследники древних инженерных школ и земного прагматизма. Их корабли, названные в честь героев старинных преданий, несли символ двуглавого орла – напоминание о родине, давно утонувшей в облаках собственного прошлого. Корпус контролировал добычу тяжёлых изотопов и редких элементов в системах Проксимы и Центавра. Их люди были суровы, прямолинейны, приучены держать рубежи и доверять только чести.

Им противостояла Титановая колония – потомки европейцев и североамериканцев, переселившиеся на спутник Сатурна в эпоху Великих Исходов. Там, среди метановых озёр и ледяных равнин, под прозрачными куполами выросла новая цивилизация. Титановцы создали атмосферу, воздвигли города под слоями защитного льда и построили флот, чей импульсный след был виден даже с орбит внешних планет. Они верили в дисциплину. Их общество строилось на идее прогресса – бесконечного, холодного, безжалостного, как сам Титан.

Формально между Корпусом и Титаном царил мир – хрупкий, как тонкий лёд под сапогами разведчика. Послы обменивались улыбками, совещания длились неделями, заключались торговые договоры. Но под покровом дипломатии скрывалось вечное соперничество: шпионы действовали в обе стороны, капитаны подкупались, исследовательские миссии исчезали в безмолвных секторах, а на дальних рубежах корабли сталкивались «случайно» – и нередко такие встречи заканчивались огнём.

Законов, общих для всех, больше не существовало. Никто не обладал властью над человечеством в целом. Баланс удерживался не доверием, а страхом: каждая война грозила стереть целые секторы, и потому мир поддерживался ценой постоянного напряжения.

Но даже в этой холодной вселенной оставались те, кто помнил, ради чего когда-то человек поднял взгляд к звёздам. Учёные, лётчики, инженеры, колонисты – они несли в себе древний инстинкт исследователя, ту самую жажду познания, что когда-то вывела человечество из пещер и направила к небу.

Именно благодаря им возникла сеть, изменившая само понятие расстояния – гравитационная ретрансляционная связь. Её принцип был прост и гениален: цепочка стационарных или подвижных ретрансляторов, расположенных в гравитационно стабильных точках, передавала сигналы и энергию, используя естественные колебания пространства. Каждый узел принимал блок данных, усиливал его и посылал дальше – через прыжки, где время и пространство сплетались в единую волну. Так создавались коридоры связи, по которым можно было не только передавать информацию, но и двигаться самим – совершая гравитационные скачки, кратчайшие переходы между системами, разделёнными световыми годами.

Эта технология стала артерией нового человечества. Она связала отдалённые миры, станции и колонии в единый пульс, позволив торговле, науке и флотам существовать в ритме, приближенном к реальному времени.

Так выглядел мир накануне новой эпохи. Мир, где человек вновь оказался перед выбором: остаться рабом корпораций и страха – или шагнуть за пределы того, что сам построил.

И именно тогда, в глубинах этого холодного века, началась история, которую потом назовут Временем Первого Контакта.

1 глава. Первый луч

Орбитальная обсерватория «Первый луч» висела в космической пустоте, словно рукотворная звезда среди бесчисленных светил. Её серебристые модули, соединённые переходами и стыковочными узлами, медленно вращались вокруг собственной оси, создавая искусственную гравитацию для многочисленных лабораторий и жилых отсеков. За бронированными иллюминаторами тянулось безмолвие космоса – чёрный бархат, пронзённый алмазными нитями далёких созвездий.

Здесь, на самом краю освоенного человечеством пространства, где торговые маршруты превращались в легенды, а связь с Центральными мирами занимала недели, работала элитная группа астрофизиков. Они наблюдали глубины Вселенной, пытаясь разгадать её тайны.

В центральной лаборатории станции мерцали десятки мониторов, отбрасывая холодный голубоватый свет на полированные металлические стены. Схемы орбит, траектории зондов, спектрограммы далёких звёзд – вся накопленная за годы информация плыла по экранам бесконечным потоком данных. Вокруг круглого стола расположились люди в светлых исследовательских костюмах, их лица отражали сосредоточенность учёных, стоящих на пороге великого открытия.

– Синхронизация прошла успешно, – сообщил инженер связи, не отрывая взгляда от панели приборов. Его пальцы порхали по сенсорным клавишам с привычной точностью хирурга. – Передача с дальнего зонда «Альтаир» стабильна на девяносто три процента. Спектральные линии совпадают с эталонными значениями.

Профессор Виктор Новиков стоял у главного пульта управления, скрестив руки за спиной. Высокий, с благородно седеющими висками и усталым, но живым взглядом тёмных глаз, он излучал особую харизму – ту редкую способность увлечь за собой. В его облике не было ничего показного, никаких громких жестов или эффектных поз, но каждое слово звучало так, что заставляло всех оборачиваться и слушать с напряжённым вниманием.

– Отлично, – произнёс он спокойно, и в его голосе слышались едва уловимые нотки торжества. – Мы выходим за пределы известных каталогов, друзья. Здесь нет проторённых путей, нет готовых карт звёздного неба. Только наши расчёты, наши приборы и наши догадки. Но именно это и делает нашу работу по-настоящему ценной – мы идём туда, где ещё не ступала нога исследователя.

Молодая астрофизик Елена Сереброва подняла глаза от планшета с формулами. Её тонкое лицо выражало сомнение, смешанное с любопытством. Недавняя выпускница Московского космического института, она ещё не утратила здорового скептицизма, который постепенно выветривается у учёных под воздействием харизмы таких людей, как Новиков.

– Доктор Новиков, – её голос дрогнул едва заметно, – а что, если мы ошиблись в наших расчётах? Эта аномалия может оказаться просто помехой в работе приборов или артефактом обработки данных.

Новиков повернулся к ней, и на его лице появилась мягкая, понимающая улыбка – такая, какой старший брат встречает сомнения младшего. В его глазах не было ни раздражения, ни снисходительности, только глубокая уверенность человека, прошедшего долгий путь научных исканий.

– Милая Елена, – сказал он, и даже обращение прозвучало не фамильярно, а отеческое тепло, – ошибки – это именно то, что движет науку вперёд. Мы ищем не подтверждения наших гипотез, а истину. И даже если наш путь окажется ложным, он всё равно приведёт нас к новому знанию. Разве не ради этого мы здесь?

Коллеги переглянулись – в их взглядах читалось молчаливое согласие. Новикова уважали не только за выдающийся ум и безупречную репутацию, но и за редкое умение превратить

сомнения в топливо для дальнейших поисков, а неопределённость – в захватывающее приключение.

– Наш эксперимент начинается прямо сейчас, – продолжил Новиков, активируя главную панель управления. На центральном экране вспыхнула карта окружающего звёздного пространства – тысячи светящихся точек, соединённых паутиной расчётных траекторий. Красным цветом был выделен сектор космоса, где приборы уловили тот самый загадочный спектральный сигнал. – Вот здесь, в этой кажущейся пустоте, мы попытаемся заглянуть туда, куда человеческий взгляд ещё не проникал.

Тишина в лаборатории стала почти торжественной. Каждый из присутствующих по-своему понимал значимость момента. Для одних это была возможность зафиксировать редчайшее космическое явление, для других – шанс перевернуть устоявшиеся представления о природе Вселенной. А для Новикова – это был ещё один шаг к разгадке тайны, которая мучила его уже много лет.

На круглом пульте управления загорелись индикаторы – зелёные, жёлтые, красные огоньки замигали в сложном ритме, напоминая пульс живого существа. Проекция космического пространства медленно вращалась в центре стола, и казалось, что сама Вселенная проникла внутрь тесной лаборатории орбитальной станции.

Новиков приблизился к центру управления. В полированной поверхности панели отражались его высокая фигура и лицо, озарённое разноцветными огнями приборов. Руки сжаты за спиной, взгляд сосредоточенный и одновременно горящий внутренним огнём – таким он навсегда запомнится своим коллегам.

– Начинаем непрерывную фиксацию данных, – произнёс он, и его голос был одновременно тихим и властным, как у дирижёра перед началом сложной симфонии. – Все исследовательские секторы переводим на протокол «Альфа-3». Максимальная чувствительность приёмников.

– Все секторы готовы к работе, доктор, – откликнулся математик Гоя, протягивая планшет с колонками расчётов. – Мы настроили синхронизацию приёмных устройств на минимальном шумовом уровне. Если этот сигнал повторится, мы его обязательно поймем.

– Превосходно, – Новиков кивнул с видимым удовлетворением. – Тогда давайте выясним, действительно ли космическая пустота так пуста, как мы привыкли думать с момента первых звёздных полётов.

Инженеры вывели на центральный экран спектрограмму исследуемого участка неба. Волнистая линия тянулась почти ровно, лишь изредка отклоняясь от базовой отметки под воздействием фонового излучения. Но там, на самом краю – в том секторе, куда был направлен их дальний зонд – притаилось что-то странное: ритмичное, почти органическое биение, словно космос дышал.

– Я различаю шумовые пики в целевом диапазоне, – сказала Сереброва, рассеянно поправляя выбившуюся прядь волос. – Но они... они слишком правильные. Слишком периодичные для случайного явления.

– Возможно, это дефект нашего оборудования, – заметил Гоя, хмуря брови. – Или наводка от реактора станции.

– А возможно, коллега, мы стоим на пороге открытия нового класса космических явлений, – спокойно ответил Новиков. В его глазах блеснуло что-то, что можно было бы назвать научным азартом. – Вспомните школьные учебники истории науки – сколько раз человечество объявляло те или иные наблюдения «ошибкой приборов», а они потом становились фундаментом целых научных дисциплин.

Наступила тишина. Никто не решался возразить – слишком убедительно звучали слова профессора, слишком заразной была его уверенность.

Началась кропотливая работа. Учёные переговаривались короткими, профессиональными фразами, как опытная хирургическая бригада во время сложной операции:

- Проверить фазовый шум на третьем канале.
- Корректирую частоту опорного генератора на два процента.
- Снимаю контрольные показания с резервного приёмника.

Руки специалистов порхали по сенсорным панелям с отточенной точностью, схемы и графики вспыхивали и гасли на мониторах. Все были полностью поглощены процессом – тем священным ритуалом познания, ради которого они оказались здесь, на краю известного мира.

Новиков, несмотря на свою роль руководителя экспедиции, не оставался сторонним наблюдателем. Он сам выводил сложные формулы на вспомогательных экранах, указывал на возможные ошибки в расчётах, горячо спорил с коллегами о правильности выбранной методики. Его удивительная способность вовлечь людей в исследовательский процесс была поистине уникальной – даже самые скептически настроенные специалисты начинали чувствовать себя частью великого научного поиска.

Часы тянулись медленно. За иллюминаторами станции космос оставался неизменно чёрным и равнодушным, но в лаборатории напряжение нарастало с каждой минутой. Приборы фиксировали всё новые и новые аномалии в исследуемом секторе – загадочные импульсы, которые складывались в сложный, но явно неслучайный узор.

– Профессор, – тихо позвал один из младших сотрудников, – я думаю, вам стоит взглянуть на это.

Новиков подошёл к его рабочему месту. На экране светилась диаграмма, от которой перехватывало дыхание – зафиксированные сигналы образовывали почти идеальную синусоиду, словно сама Вселенная пульсировала в едином ритме.

– Боже мой, – прошептала Сереброва, глядя через плечо Новикова. – Это же... это не может быть естественным явлением.

Новиков молчал, замороженно глядя на экран. В его глазах читалось странное выражение – смесь научного триумфа и какого-то мистического благоговения. Когда он заговорил, голос его звучал тише обычного, почти шёпотом:

– А что, если это и есть то, что мы так долго искали? Что, если Вселенная действительно... дышит?

Через несколько часов монотонной работы накопленные данные начали складываться в удивительную картину. Массивы цифр превращались в графики, графики – в схемы, а схемы постепенно обретали форму, которая заставляла учёных замирать в благоговейном молчании. На главном экране возникала всё более отчётливая структура – словно гигантский узор из световых волн, пульсирующий где-то в немыслимой глубине космического пространства, за пределами известных звёздных систем.

Математические модели, построенные компьютером станции, показывали нечто невероятное: сигнал обладал внутренней логикой, сложной гармонией, которая напоминала дыхание исполинского живого существа. Амплитуда и частота колебаний менялись по строгим законам, образуя спирали и концентрические окружности, которые словно расходились по ткани самого пространства-времени.

Сереброва не выдержала напряжения, которое копилось в ней последние часы. Она встала из-за рабочего места, подошла к главному экрану и, указывая дрожащим пальцем на светящиеся линии диаграммы, воскликнула:

– Это невозможно! Совершенно невозможно! – В её голосе звучали нотки почти истерического изумления. – Посмотрите сами – у этого сигнала есть чёткая внутренняя структура. Он не хаотичен, не случаен. Здесь есть система, есть... есть какая-то логика!

Гоя оторвался от своих расчётов и нахмурил брови, глядя на данные с выражением глубокого недоверия. Как истинный учёный старой школы, он привык искать рациональные объяснения даже самым удивительным явлениям.

– Но это не может быть искусственным сигналом, – возразил он, качая головой. – Мы находимся слишком далеко от любых обитаемых систем. Никакая станция, никакой передатчик не смогли бы послать сигнал такой мощности через подобные расстояния. Да и исследуемый сектор абсолютно пуст – там нет ни планет, ни астероидов, ни даже космической пыли...

Новиков резко поднял руку, властным жестом обрывая начинавшийся спор. Все мгновенно замолчали – в его движении была такая категоричность, такая непререкаемая власть, что даже самые опытные коллеги невольно подчинились. Когда профессор заговорил, его голос звучал спокойно и размеренно, но в глубине слов чувствовалась огромная внутренняя энергия, готовая вырваться наружу.

– Друзья мои, – сказал он, обводя взглядом всех присутствующих, – никто из нас не говорил об искусственности этого явления. Мы не охотники за научно-фантастическими мифами и не искатели внеземных цивилизаций. Мы учёные, и мы ищем истину, какой бы невероятной она ни показалась на первый взгляд. И если перед нами действительно некая фундаментальная закономерность строения Вселенной, то наш долг – понять её, изучить и объяснить.

Он замолчал на мгновение, повернулся к схеме и замер, будто вглядываясь сквозь светящиеся линии в саму ткань мироздания. В профиле его лица читались сосредоточенность и какое-то мистическое озарение – выражение человека, который внезапно увидел то, что искал всю жизнь.

– Сегодня, – продолжил Новиков тихо, почти шёпотом, но так, что каждое слово было слышно в абсолютной тишине лаборатории, – сегодня мы заглянули туда, куда не заглядывал ещё ни один человек. Мы коснулись чего-то, что существовало миллиарды лет до нашего рождения и будет существовать миллиарды лет после нашей смерти. И если Вселенная действительно разговаривает с нами своим древним, космическим языком... то мы просто обязаны научиться её слушать.

Слова Новикова повисли в воздухе, как заклинание. Никто не осмелился нарушить возникшую тишину. В лаборатории слышалось только тихое гудение вентиляторов и едва различимый шёпот работающих приборов. Все понимали – они стали свидетелями начала чего-то гораздо большего, чем обычный научный эксперимент. Они прикоснулись к тайне, которая могла изменить представления человечества о самой природе Вселенной.

Профессор медленно отошёл от центрального экрана, и в его движениях читалась особая торжественность – словно он переходил из одного состояния души в другое, из простого учёного превращался в провозвестника новой эпохи познания. Его высокая фигура отбрасывала длинную тень на металлические стены лаборатории, и в этой тени угадывались очертания человека, стоящего на пороге великого открытия. Новиков остановился у круглого иллюминатора, за которым расстилалось бескрайнее звёздное поле, и заложил руки за спину – жест, ставший за годы работы его фирменным знаком, символом глубокого размышления и внутреннего сосредоточения.

– Знаете, коллеги, – начал он негромко, не оборачиваясь к команде, – я часто думаю о том, какое место занимает человечество в этой бесконечной Вселенной. Мы так гордимся своими достижениями, своими технологиями, своими космическими кораблями и орбитальными станциями. Нам кажется, что мы покорили космос, что мы овладели тайнами звёздного неба. А на самом деле...

Новиков умел говорить так, что самые сложные идеи становились понятными и захватывающими, а абстрактные теории обретали почти осязаемую реальность.

– На самом деле мы всё ещё младенцы, которые делают первые неуверенные шаги в колоссальном, непознанном мире. Посмотрите на эти данные, – он указал на центральный экран, где продолжала пульсировать загадочная диаграмма. – Что это? Послание? Естественное явление? Или нечто совершенно иное, для чего у нас просто нет подходящих слов и понятий?

Молодая Сереброва, всё ещё потрясённая увиденным, нерешительно подняла руку, словно школьница, которая хочет задать вопрос учителю, но боится показаться глупой.

– Профессор, а что, если... что, если мы просто не готовы к пониманию таких вещей? – Её голос дрожал от волнения. – Может быть, наш уровень развития пока не позволяет нам осознать истинный масштаб происходящего?

Новиков улыбнулся – той особой улыбкой наставника, который видит в ученике искру понимания.

– Прекрасный вопрос, Елена. Вы затронули самую суть научного познания. – Он подошёл к ней, присел на край стола и заговорил более доверительно, словно делился сокровенными мыслями с близкими друзьями. – Каждый великий учёный в истории человечества сталкивался с этой дилеммой. Галилей смотрел в свой примитивный телескоп и видел спутники Юпитера – но понимал ли он тогда, что открывает дорогу к пониманию законов небесной механики? Кюри выделяла радий из тонн урановой руды – но могла ли она предвидеть атомную энергетику?

Гоя покачал головой, его лицо выражало смесь восхищения и беспокойства.

– Но доктор, мы же не можем просто принимать на веру любое непонятное явление. Научный метод требует проверки, воспроизводимости результатов, строгих доказательств. А то, что мы наблюдаем... это может быть чем угодно. Космическим мусором, отражением от метеоритной пыли, даже неисправностью наших собственных приборов.

Новиков встал и медленно прошёлся по лаборатории, его шаги гулко отдавались от металлического пола. В его движениях читалась внутренняя борьба – человек науки боролся с мечтателем и провидцем, скептик спорил с романтиком познания.

– Да, Андрей Николаевич, вы абсолютно правы, – сказал он наконец. – Научный метод – наше самое надёжное оружие против заблуждений и самообмана. Но знаете, что меня всегда поражало в истории великих открытий? Они начинались не с доказательств, а с интуиции. С внутреннего чувства, что вот здесь, в этом странном, необъяснимом явлении, скрыто что-то фундаментально важное.

Он остановился перед центральным экраном, на котором продолжала развёртываться космическая симфония загадочных сигналов.

– Эйнштейн не просто вывел уравнения общей теории относительности из математических выкладок. Сначала он почувствовал, что пространство и время связаны каким-то невидимым образом. Потом уже пришли формулы. Менделеев увидел периодическую систему элементов не в результате скучных вычислений – она приснилась ему во сне, как завершённая картина мироздания.

Сереброва встала и подошла к иллюминатору, за которым простиралось звёздное небо. Её тонкое лицо отражало внутреннее напряжение – молодой учёный пытался совместить строгую научную дисциплину с зовом неизведанного.

– А что, если этот сигнал... что, если это действительно способ общения Вселенной с нами? – прошептала она. – Что, если космос – не просто физическое пространство, заполненное звёздами и планетами, а нечто... живое? Разумное?

Воцарилась тишина. Даже Гоя, самый скептически настроенный из команды, не решился немедленно опровергнуть эти слова. В лаборатории повисла атмосфера, которая бывает перед грозой – электрически заряженная, полная предчувствий и нерешённых вопросов.

Новиков медленно кивнул, и в его кивке читалось глубокое понимание.

– Вы знаете, в древности люди считали звёзды глазами богов, которые наблюдают за земными делами. Мы смеялись над этими «примитивными» представлениями. Но что, если наши предки интуитивно понимали что-то такое, что мы потеряли в своём стремлении всё разложить по полочкам и классифицировать?

Он подошёл к пульта управления и запустил модель наблюдаемого участка космоса. В центре лаборатории возникла проекция – мерцающее облако света, внутри которого пульсировали загадочные волны, словно гигантское сердце билось где-то в глубинах мироздания.

– Посмотрите на это, – его голос стал тише, почти благоговейным. – Мы привыкли думать о космосе как о пустоте, разделяющей звёзды. Но что, если эта «пустота» на самом деле насыщена невидимыми связями, токами энергии, потоками информации, которые мы просто не умеем воспринимать? Что, если Вселенная – это колоссальная сеть, и каждая звезда, каждая планета – нейрон в космическом разуме?

Младший научный сотрудник Павел Рогов, который до сих пор молча следил за дискуссией, вдруг встрепенулся и указал на один из боковых экранов.

– Доктор Новиков, посмотрите сюда! – В его голосе звучало едва сдерживаемое возбуждение. – Я попробовал применить к нашим данным алгоритм анализа биоритмов. И знаете что? Структура сигнала поразительно напоминает альфа-волны человеческого мозга во время глубокого сна!

Все мгновенно окружили экран Рогова. На мониторе действительно была видна удивительная картина: космический сигнал, пропущенный через программу анализа биологических ритмов, превращался в кривые, которые могли бы принадлежать энцефалограмме спящего человека.

– Боже милостивый, – прошептал Гоя, его скептицизм начинал давать трещины. – Это же... это же невозможно. Как космическое излучение может иметь структуру мозговых волн?

Новиков склонился над экраном, его глаза горели триумфом первооткрывателя.

– А что, если возможно? – Его голос звучал торжественно, как у проповедника, объявляющего откровение. – Что, если человеческое сознание и космические процессы связаны гораздо глубже, чем мы предполагали? Древние мистики говорили: «Что наверху, то и внизу». Может быть, они были не так уж далеки от истины?

Сереброва села на край стола, её лицо выражало смесь восторга и растерянности.

– Но тогда... тогда получается, что мы не случайные песчинки в бескрайнем океане космоса. Мы часть чего-то гораздо большего. Мы связаны со Вселенной на самом фундаментальном уровне.

– Именно так, – кивнул Новиков. Он отошёл от экранов и встал в центре лаборатории, под проекцией пульсирующего космического сигнала. Разноцветные всплески света играли на его лице, превращая его в полумистическую фигуру пророка новой эпохи.

2 глава. Бар разбитого сердца

Подземный город «Олимп» дышал своей особой жизнью – глубокой, размеренной, словно пульс спящего гиганта. В гигантской пещере, вырезанной из недр красной планеты усилиями трёх поколений терраформеров, переливались огни тысяч жилищ, мастерских и лабораторий. Потолок пещеры терялся во мраке где-то в сотнях метров над головой, а стены, отшлифованные до зеркального блеска, отражали свет так, что казалось – здесь есть своё искусственное небо.

В баре «Фобос», высеченном прямо в оранжевом базальте одной из несущих колонн города, воздух был пропитан тремя ароматами: терпким запахом синтетического виски, острым озоном от работающих очистителей атмосферы и едва уловимым металлическим привкусом, который всегда сопровождал жизнь под землёй. За массивным прозрачным люком, встроенным в стену и открывающим вид на главную транспортную артерию города, бесшумно проплывали электрокары, оставляя за собой светящиеся голубоватые шлейфы от двигателей.

Огромная проекция над барной стойкой показывала Марс, но не ту мёртвую, выжженную солнцем пустыню, какой его знали первые колонисты. Нет – это был Марс живой, пульсирующий множеством световых артерий, которые змеились по поверхности планеты и уходили вглубь, туда, где человечество создало свой новый дом. Города-споры, соединённые тоннелями, станции по добыче воды из полярных шапок, атмосферные процессоры, превращающие разреженный воздух в нечто пригодное для дыхания. Марс стал похож на светящийся нервный узел, и каждая вспышка света означала жизнь, работу, надежду.

Алексей Лебедев сидел в кресле, больше походившем на древний трон – массивном, вырезанном из тёмного шероховатого камня, который местные мастера добывали в самых глубоких шахтах. Это был мужчина лет тридцати пяти, с резкими, словно высеченными из камня чертами лица, короткими тёмными волосами и пронзительными глазами, в которых постоянно мерцал холодноватый аналитический ум. Даже в гражданской одежде – тёмно-синей рубашке и чёрных брюках – он сохранял некую официальность, напряжённость человека, который привык всегда быть начеку.

В его руке покоился бокал с напитком, который здесь называли «голубым льдом» – жидкость едва заметно мерцала в тусклом свете бара, словно в ней растворили крошечные звёзды. Он смотрел на схему Марса, и в его серых глазах читалась смесь усталости и цинизма, которая приходит к людям, слишком много видевшим.

Ему всегда было комфортно в одиночестве. За годы службы в Корпусе Развития он привык к тому, что размышления приходят лучше всего именно тогда, когда рядом никого нет – ни подчинённых с их вопросами, ни начальства с их требованиями, ни свидетелей с их версиями событий. Но сегодня даже эта привычная зона комфорта казалась не такой уютной. Что-то скреблось в глубине души – может быть, воспоминания, а может быть, предчувствие.

К нему подошёл Максим, жених, облачённый в парадную форму инженерного корпуса – тёмно-синий мундир с серебряными нашивками, которые в приглушённом свете бара казались жидким металлом. Это был крепко сложенный мужчина чуть за тридцать, с открытым, добродушным лицом, выщипанными волосами и мозолистыми руками истинного мастера.

– Ты чего сидишь один? – спросил Максим, опускаясь в соседнее кресло. Его голос звучал тепло, с той интонацией, которая бывает только между старыми друзьями. – Задумался?

Алексей медленно повернул голову, словно возвращаясь из далёких мыслей. Его лицо – угловатое, с резкими чертами, которые годы службы сделали ещё более чёткими – на мгновение смягчилось.

– Да, – ответил он, делая глоток «голубого льда». Напиток был холодным, с лёгким прикусом мяты и чего-то неземного. – О том, насколько Марс не похож на Землю. И как мы умудрились превратить его в нечто... такое.

Он жестом обвёл пространство вокруг себя. В баре было не больше двух десятков посетителей – инженеры после смены, несколько учёных, обсуждавших что-то за соседним столиком, парочка в дальнем углу, державшаяся за руки и смотревшая в один планшет. Обычная жизнь, обычные люди, но всё это – за сотни миллионов километров от родной планеты, в искусственной пещере, где каждый глоток воздуха был результатом работы сложнейших механизмов.

– В нечто прекрасное? – Максим подмигнул, и в его карих глазах заплясали огоньки. – Это наша магия, брат. Превращать пустоту в дом.

Он откинулся в кресле и тихо добавил:

– А у конкурентов Титан тем временем вырос в город-государство. Они не просто сделали свою биосферу – они сделали систему, которая живёт сама по себе. Гигантские подповерхностные артерии, фермы внутри ледяных камер, реакторы, выжимающие всё до последней молекулы метана... Это не просто инженерия, это стратегия.

Алексей молча кивнул, словно соглашаясь, но в его взгляде был тихий аналитический спор. Для него Марс всегда был лабораторией сравнения. Марс, где всё строится под контролем, где каждый модуль, каждая труба рассчитаны на год вперёд. Титан же – огромный, живой организм, автономный, работающий по своим правилам. Это было не просто техническое достижение, это было заявление.

– Их купол там, на южном полюсе, – продолжил Максим, – уже давно стал символом: не просто колония, а отдельная цивилизация. И знаешь, Лёх, мы должны помнить, что и у нас нет права стоять на месте.

Алексей задумчиво коснулся пустого бокала.

– Нет, права нет, – согласился он. – И у нас есть то, что у них в проекте Титана невозможно – прямой контроль над ресурсами и полная интеграция с Землёй. Но у них есть свобода. Свобода строить по своему, без постоянных приказов, без зависимости от чужих решений.

Максим кивнул. В его взгляде читалась смесь гордости и тревоги.

– Мы всё ещё в соревновании. И пока это соревнование инженерное, оно ведёт нас вперёд. Но всегда есть риск, что завтра оно станет политическим.

Алексей поднял бокал, глядя на него:

– За ваш «Олимп». За то, что даже на Марсе можно найти свой дом.

– За нас, – ответил Максим. – И за то, что мы ещё успеем построить своё.

За два дня до свадьбы на Марсе, в подземном городе «Олимп», в баре «Фобос», высеченном в оранжевом базальте, два друга разделили момент истины – горькой и светлой одновременно, как сама жизнь.

3 глава. Когда космос заговорил

Экран в центральной лаборатории вспыхнул новым графиком, словно холодная звезда внезапно обрела голос в молчаливом космосе. На фоне равномерного галактического шума, того древнего гула, что сопровождал мироздание с первых мгновений его существования, начали проступать линии – слишком чёткие для случайности, слишком упорядоченные для хаоса. Они складывались в фигуру, напоминающую спираль, которая медленно расширялась на голубоватом свечении дисплея, словно приглашая заглянуть в самое сердце тайны.

Доктор Гоя, обычно скупой на эмоции астрофизик, чьи отчёты всегда отличались математической сухостью, внезапно отшатнулся от консоли. Его узкие пальцы, привычные к точным манипуляциям с приборами, задрожали над клавиатурой.

– Это невозможно... – прошептал он, забыв про строгость научной терминологии, которой так дорожил. Голос его стал хриплым, будто слова царапали горло изнутри. – Сигнал содержит... самоподобие. Фрактальную структуру.

Сереброва, молодая женщина с пытливыми серыми глазами и непослушными каштановыми волосами, подалась вперёд, её взгляд загорелся тем особенным огнём, что посещает исследователей в момент великого открытия. Тонкие черты её лица заострились от напряжения, губы приоткрылись в немом изумлении.

– Это не шум, – произнесла она, голос звенел от возбуждения. – Это закономерность. Природный код.

Доктор Виктор Новиков стоял неподвижно в центре лаборатории, его высокая фигура казалась изваянной из тени и света. Лишь кончики длинных пальцев слегка касались поверхности главной панели, словно он черпал информацию не только через экраны, но и через само прикосновение к металлу. Его лицо, обычно спокойное и задумчивое, было напряжённым, но в глубоких карих глазах светился восторг – не просто научный интерес, а нечто более глубокое, почти мистическое.

– Вселенная пишет нам письмо, – произнёс он негромко, но каждое слово словно высекло из воздуха искры. Его голос, глубокий и бархатистый, обладал той особой силой, что заставляла людей останавливаться и слушать. – И мы начали читать первые буквы.

Люди в лаборатории замолчали. Двенадцать человек – астрофизики, биоинженеры, техники связи – все как один замерли в своих позах, будто время остановилось в этом белом, наполненном гудением приборов пространстве. Даже самый циничный техник Воронцов, привыкший к ежедневным сбоям оборудования и ложным сигналам, почувствовал лёгкую дрожь – не от страха, а от величия момента. В воздухе висело ощущение присутствия чего-то неизмеримо большего, чем их маленькая колония, затерянная на краю освоенного космоса.

За боковым столом астроном Климов тихо обменивался репликами с коллегой – биоинженером Руденко. Их взгляды встречались чаще, чем требовало рабочее общение, она улыбалась ему краем губ, он отвечал лёгкой ироничной фразой. Между ними существовала своя маленькая вселенная – человеческая, тёплая, среди холодного безмолвия космоса. Руденко поправила прядь светлых волос, выбившуюся из-под ободка, и Климов проследил это движение глазами, на мгновение забыв о галактических тайнах.

В этот момент на экран поступили новые данные. График дрогнул, словно живой организм, почувствовавший боль, линии уплотнились и начали переплетаться в сложные узоры. Теперь структура сигнала стала многомерной: цифры и координаты складывались в нечто, что напоминало карту – но карту чего?

– Карта пространства? – неуверенно спросила Сереброва, её голос дрогнул от волнения.

Новиков поднял руку, жест был медленным, почти торжественным, заставив всех замолчать. Он смотрел на проекцию так, словно видел её не глазами, а чем-то большим, более глубоким – той частью сознания, которая способна постигать невозможное.

– Это не просто карта, – произнёс он, и в его голосе звучали нотки благоговения. – Это направление.

Он произнёс это почти торжественно, как жрец, провозглашающий откровение. И никто не усомнился – хотя внутри каждого уже разгорался спор между рациональным скептицизмом и иррациональной надеждой: случайность это, неизвестное природное явление или нечто совершенно иное, что переворачивает представления о Вселенной?

И пока их внимание было приковано к светящейся схеме, пока учёные спорили в полголоса о значении сигналов, в тени дальнего коридора тихо щёлкнул замок боковой двери. Звук был едва слышен среди общего гула оборудования, но для тренированного уха он прозвучал зловеще.

В лабораторию вошёл мужчина в сером комбинезоне технического персонала. Среднего роста, неприметной внешности, с короткими тёмными волосами и обычным лицом, которое легко забывается. На груди висел официальный пропуск с защитой, только что отсканированный дверным сенсором. Он не обратил на себя внимания: все были слишком увлечены экспериментом, чтобы заметить ещё одного техника.

Он прошёл вдоль стен неторопливо, будто проверяя панели управления, его движения были отработанными, профессиональными. Никто не обратил внимания, как он остановился у энергоблока серверного ядра – того самого сердца лаборатории, где хранились все данные исследований. С пола он поднял небольшой кейс, который каким-то образом уже дожидался его в тени консоли.

Пальцы мужчины быстро и уверенно пробежали по клавиатуре портативного терминала. На маленьком экране вспыхнули строки кода, зелёные символы уходили вглубь системы, проникая в самые защищённые секторы базы данных колонии. Он работал методично, сосредоточенно, словно давно готовился к этому моменту, заучивая каждую команду наизусть.

А в центре зала, под сиянием схемы, доктор Новиков с восхищённой улыбкой произнёс: – Сегодня мы услышали дыхание Вселенной.

И никто ещё не знал, что рядом с их великим открытием уже зарождается чужая, скрытая игра – игра, которая в ближайшие минуты обернётся трагедией.

Схемы на экранах становились всё сложнее и детальнее. Красные линии, словно сосуды живого организма, соединяли звёзды в структуру, которую не мог объяснить ни один учебник астрофизики. Рисунок напоминал нейронную сеть гигантского мозга, раскинувшуюся на световые годы.

Гоя нервно стучал костяшками пальцев по металлической панели, этот тихий стук терялся в общем гуле оборудования:

– Закономерности... да, они есть. Но слишком правильные. Слишком упорядоченные, – голос его звучал напряжённо. – Я не верю в такие совпадения, доктор.

– Ты боишься, что Вселенная умнее нас? – спросил Новиков, не отрывая замороженного взгляда от экранов, где продолжали плести свой космический узор загадочные сигналы.

Гоя хотел возразить, привести контраргументы, но слова застряли в горле. В глубине души он понимал: то, что они наблюдают, выходит за рамки известной физики.

Данные продолжали стекаться непрерывным потоком. Новиков видел в них то, что другие ещё не успели осознать: сеть, модель, намёк на некий центр, словно сама ткань мироздания показывала своё основание. Он был одновременно шокирован и окрылён этим открытием. Всё остальное – колония, земные проблемы, личные амбиции – перестало существовать. Существовали только он и Вселенная, ведущая с ним диалог.

И именно в этот момент произошёл взрыв.

Сначала – низкий, глухой хлопок, подобный далёкому удару грома. Затем – белая вспышка, ослепительная как внезапное рождение новой звезды. Металлические панели задрожали под ногами, воздух содрогнулся от ударной волны. Серверный отсек разорвало изнутри с оглушительным рёвом.

Огненный шар рванул по коридору лаборатории, словно живая, хищная волна. Раскалённый металл разлетелся смертоносными осколками, кабели свистели в воздухе, как разъярённые кнуты. Людей, что стояли ближе к энергоблоку – техников Воронцова и Петрова – мгновенно поглотило пламя. Их крик оборвался в самом начале, не успев даже эхом отразиться от стен, и больше они не кричали. Никогда.

Тех, кто оказался в двух шагах дальше, отбросило ударной волной с чудовищной силой. Сереброва упала навзничь, с размаху ударившись головой о металлический край консоли. Её каштановые волосы мгновенно загорелись, превратившись в корону огня. Она не кричала – была без сознания.

Гоя захрипел, зажимая грудь, пробитую длинным осколком металла. Кровь сочилась между его пальцев, окрашивая белый халат в алый цвет. Его очки разлетелись на куски, глаза ничего не видели.

Новиков инстинктивно упал на пол, и это движение спасло ему жизнь. Плечо обожгло пронсящимся огненным языком, а в живот ударил тяжёлый кусок пластибетона, выбитый из стены. Он видел, как в паре метров от него лежал молодой техник, у которого не осталось половины лица. Кровь, смешанная с серой пылью разрушения, заливала серебристый пол лаборатории, образуя причудливые узоры.

Автоматические системы безопасности взвыли сиренами – протяжный, пронзительный вой, похожий на плач погибающей планеты. Красный свет затопил помещение, превратив лабораторию в преддверие ада. Сработала пожаротушающая система: из потолочных распылителей хлынул поток холодной белой пены. Она мгновенно заглушила пламя, но не заглушила крики раненых и стоны умирающих.

– Медицинский отсек! Быстро! – орал Новиков, задыхаясь от едкого дыма. Голос был сорван и хриплый, но сохранял командные интонации. – Вызовите всех врачей! Немедленно!

Он поднялся, шатаясь от боли и дезориентации, и кинулся к Серебровой. Та дышала, хрипло и прерывисто, глаза её металась под закрытыми веками, но волосы и кожа лица были обожжены. Новиков сбивал остатки пламени ладонями, не чувствуя боли от собственных ожогов, думая только о том, чтобы спасти коллегу.

Гоя пытался подняться, опираясь на локоть, но кровотечение было слишком сильным. Он хрипел, тянул окровавленную руку к Новикову:

– Я... не... вижу... – каждое слово давалось ему мучительно. – Помогите... мне...

И тут же осел на пол, теряя сознание от кровопотери.

За пределами зала раздались шаги и крики. Двери медицинского отсека распахнулись, внутрь ворвались врачи и медсёстры в бело-серых защитных костюмах с прозрачными гермошлемами. Их голоса перекрывали завывание сирен:

– Первая группа – к пострадавшим с ожогами! Вторая – к раненым с кровотечением!

– Держите давление на рану! Жгут! Жгут, быстрее!

– Этому нужна срочная операция! Готовьте операционную!

Металлические носилки скрипели о разбитый пол, кровь капала с их краёв, оставляя красные следы. Медики вытаскивали тела из завалов, проверяли пульс и дыхание, прикладывали инъекторы с обезболивающим прямо на месте. Их движения были чёткими, профессиональными, но в глазах читался ужас от масштаба катастрофы.

Новиков сидел на полу рядом с носилками Серебровой, не отпуская её холодную руку. Его губы шевелились беззвучно – то ли молитва, то ли сухая последовательность команд самому себе, способ сохранить рассудок в хаосе.

– Вы ранены? – один из медиков попытался осмотреть его, но Новиков оттолкнул заботливые руки.

– Я... жив, – прохрипел он, голос звучал как скрежет металла по металлу. – Но вон там... Гоя... он ещё дышит... спасите его...

Крики и стоны не смолкали. Кто-то звал по имени погибших товарищей, женский голос плакал, повторяя одно и то же имя. Кто-то уже молчал навсегда, укрытый белой простыней.

Когда пена окончательно осела, и красный свет сменился обычным освещением, стало видно, во что превратилась центральная лаборатория колонии «Первый луч». Разрушенные панели управления, выбитые стеклянные перегородки, тела, обугленные до неузнаваемости. Пол был усыпан обломками дорогостоящего оборудования, провода свисали с потолка, как кишки выпотрошенного зверя. Всё, что несколько минут назад было сердцем научных исследований – превратилось в дымящиеся руины.

А в центре этого ада стоял доктор Виктор Новиков, в разорванном халате, с закопчённым лицом и покрасневшими от дыма глазами. Кровь сочилась из ран на руках, но он не замечал боли. В его измученном сознании билось только одно: он успел увидеть данные. Только он из всех присутствующих понял истинное значение сигналов. И теперь память о них хранилась лишь в его голове.

Если не удастся восстановить данные уничтоженного сервера, то он единственный свидетель величайшего открытия в истории человечества. Открытия, за которое уже заплачена цена кровью и смертью.

Он посмотрел на дымящиеся обломки серверного ядра и понял: это был не несчастный случай. Это была диверсия. Кто-то хотел уничтожить данные. Но зачем? И главное – кто?

Новиков сжал кулаки, чувствуя, как в груди разгорается не только боль от ран, но и холодная ярость.

В тяжёлой тишине, нарушаемой лишь глухим гудением системы жизнеобеспечения, Новиков стоял среди руин того, что ещё полчаса назад было его храмом знания. Кровь на руках уже начала подсыхать тёмными корками, но боль в груди от удара обломком напоминала о себе с каждым вдохом. Взгляд его был устремлён не на разрушения вокруг, а куда-то внутрь – туда, где в лабиринтах памяти хранились те последние драгоценные секунды данных, что он успел впитать перед катастрофой.

«Вселенная говорила со мной,» – металось в его сознании, как молитва отчаянного. – «Те структуры... они не случайны. Слишком изящны для хаоса, слишком сложны для простых физических процессов.»

Он закрыл глаза, пытаясь восстановить в памяти каждую линию, каждое ответвление той космической карты, что всплыла на экранах перед взрывом. Сетчатка хранила отпечаток: красные узоры, напоминающие кровеносную систему гигантского организма, раскинувшегося между звёздами. И в самом центре этого узора – пульсирующая точка, как сердце, перекачивающее неведомую энергию по космическим артериям.

– Доктор! – женский голос пробился сквозь его размышления. – Доктор Новиков!

Он обернулся и увидел старшую медсестру Светлану Кравченко – женщину лет сорока пяти, с седеющими волосами, убранными в строгий пучок, и усталыми карими глазами за очками без оправы. Её белый халат был забрызган кровью, руки дрожали от переутомления, но голос звучал твёрдо и требовательно.

– Вы в шоке, – сказала она, подойдя ближе и протянув ему автоинъектор с седативным. – Вам нужно лечь, дать нам осмотреть ваши раны. У вас может быть сотрясение мозга, внутреннее кровотечение...

– Нет, – резко ответил Новиков, отстраняясь. – Не сейчас. Светлана, как остальные? Сколько... сколько мы потеряли?

Кравченко сжала губы. Её глаза, за многие годы службы видевшие немало трагедий, стали влажными. Она опустила взгляд на планшет в руках, где мерцали красные и зелёные индикаторы – статус пострадавших в реальном времени.

– Воронцов и Петров... мгновенная смерть, – произнесла она тихо, но отчётливо. – Их тела... там мало что осталось для опознания. Гоя в критическом состоянии – осколок повредил лёгкое и печень, мы оперируем. Прогнозы неопределённые.

Новиков почувствовал, как внутри что-то сжимается от боли. Воронцов был отцом двоих детей, жил в восточном блоке колонии со своей женой Наташей. Молодой Петров только год назад закончил техническую академию и мечтал о карьере в дальнем космосе. Теперь их мечты превратились в пепел, а семьи получают лишь стандартные похороны и скудные компенсации от корпорации.

– А Сереброва? – спросил он, и голос его дрогнул.

– Ожоги второй степени на лице и руках, сотрясение мозга. Она без сознания, но дышит самостоятельно. Мы делаем всё возможное, – Кравченко сделала паузу и добавила мягче: – Доктор, я знаю, что она была вашей любимой ученицей. Но сейчас вы должны думать о себе. И о том, что случилось здесь.

Новиков кивнул, но его мысли уже витали в другом направлении. Он пристально рассматривал место взрыва – воронку в полу, где раньше стоял серверный блок. Края металла были оплавлены и вывернуты наружу – характерный признак взрыва изнутри. Но что могло взорваться в серверном ядре? Системы охлаждения работали на инертном газе, источники питания были защищены многоуровневой автоматикой.

– Светлана, – позвал он медсестру, которая уже собиралась уйти. – Кто первым прибыл на место происшествия? Кого вызвали?

– Тревогу подняли автоматические системы, – ответила она, снова сверившись с планшетом. – Первыми прибыли пожарные, потом медицинский персонал. А потом... – она нахмурилась, – потом очень быстро появились офицеры безопасности с капитаном Дроздовым. Они сразу же оцепили зону и никого больше не пускают.

Это был ещё один тревожный сигнал. Капитан Дроздов обычно занимался рутинными вопросами – контролем пропусков, мелкими нарушениями дисциплины, разбором бытовых конфликтов между колонистами. Его внезапное появление на месте катастрофы и немедленное установление периметра говорило о том, что он получил приказ свыше. Но от кого?

Новиков оглянулся по сторонам и заметил то, чего раньше не видел в хаосе спасательной операции. У каждого выхода из лаборатории стояли охранники в чёрной форме – не обычные сотрудники службы безопасности колонии, а люди в военной экипировке с автоматическим оружием. Их лица были скрыты тонированными щитками шлемов, но стойка выдавала профессиональных военных.

«Откуда они взялись так быстро?» – думал он лихорадочно. – «На колонии нет военного контингента. Корпорация Развития использует только гражданскую службу безопасности...»

В этот момент его размышления прервал голос, знакомый и в то же время внушающий тревогу:

– Виктор Сергеевич! Слава богу, вы живы!

К нему приближался человек среднего роста в безукоризненно чистом сером костюме – заместитель директора колонии Игорь Васильевич Ремнёв. На первый взгляд он выглядел как обычный администратор: аккуратная стрижка, подстриженная борода, внимательные карие глаза за модными очками. Но его появление здесь, в разрушенной лаборатории, среди крови и обломков, вызвало у Новикова внутреннее напряжение.

– Игорь Васильевич, – осторожно ответил Новиков. – Не ожидал увидеть вас здесь так скоро.

Ремнёв приблизился, и Новиков заметил, что на костюме заместителя директора не было ни пылинки, ни пятнышка – словно он не находился в лаборатории во время взрыва и пожара.

– Я был в административном центре, когда сработала тревога, – объяснил Ремнёв, аккуратно обходя лужи крови и обломки оборудования. Его голос звучал сочувственно, но взгляд оставался холодным и оценивающим. – Ужасная трагедия, Виктор Сергеевич. Я сразу же прибыл, чтобы лично убедиться, что вы и ваши коллеги получите всю необходимую помощь.

– Спасибо, – сухо ответил Новиков. Что-то в манере Ремнёва его настораживало. – Но медицинская помощь – это не ваша компетенция. Зачем вы здесь?

Ремнёв улыбнулся – натянуто, дежурно. Он достал из внутреннего кармана пиджака планшет и включил его.

– Понимаете, мне нужно составить официальный отчёт о произошедшем. Для центрального офиса корпорации, – сказал он, держа стилус наготове. – Расскажите, пожалуйста, что именно вы делали перед взрывом? Над какими исследованиями работали?

Новиков почувствовал укол подозрения. Обычно отчёты о промышленных авариях составлялись специальной комиссией через несколько дней, после предварительного расследования. А Ремнёв спрашивает о деталях немедленно, ещё до того, как остыли тела погибших.

– Мы занимались анализом космических сигналов, – ответил он нейтрально. – Обычная рутинная работа.

– Космических сигналов? – переспросил Ремнёв, слишком быстро. – А что именно за сигналы? Откуда они поступали?

Новиков внимательно посмотрел в глаза заместителю директора. В них мелькнуло что-то – напряжённое ожидание, жадность, стремление узнать как можно больше.

– Ничего особенного, – сказал он медленно, наблюдая за реакцией Ремнёва. – Обычный космический шум. Мы пытались выделить из него полезные сигналы для улучшения навигации.

Лицо Ремнёва дрогнуло – едва заметно, на долю секунды.

4 глава. Взрыв в пустоте

Марсианский вечер медленно опускался над куполом развлекательного комплекса «Олимп», этого жемчужного оазиса человеческой цивилизации среди бесконечной красноватой пустыни четвёртой планеты Солнечной системы. Массивные прозрачные панели, изготовленные из сверхпрочного композитного материала, простирались от пола до потолка, открывая завораживающий вид на марсианский ландшафт. За стеклом расстился бескрайний океан ржавой пыли и камня, изрезанный древними каньонами и увенчанный далёкими горными хребтами, которые в лучах заходящего солнца переливались всеми оттенками красного – от нежно-розового до насыщенного багрового.

Искусственная атмосфера комплекса тщательно поддерживалась на оптимальном уровне: двадцать один процент кислорода, уютные двадцать два градуса по Цельсию, влажность – ровно пятьдесят процентов. Проекторы, скрытые в архитектурных нишах, создавали иллюзию мягкого земного освещения, отбрасывая тёплые золотистые блики на полированный мраморный пол и стены из искусственного дерева. Здесь, в этом технологическом чуде, служащие дальнего космоса могли на несколько драгоценных часов забыть о холодной пустоте межзвёздного пространства и почувствовать себя просто людьми, а не винтиками в гигантской машине исследования Вселенной.

В центральном зале комплекса царило оживление, какое бывает только в моменты искренней радости и беззаботности. Громкие голоса, смех, добродушные перебранки и шутки наполняли пространство той особой энергией, которая возникает, когда люди, привыкшие к суровой дисциплине и постоянному напряжению, наконец получают возможность расслабиться. Группа инженеров космодрома «Арес-Сити» и несколько следователей из элитного подразделения Корпуса Развития собрались вокруг уникального марсианского бильярдного стола – поистине инженерного шедевра, адаптированного к условиям местной гравитации.

Этот стол представлял собой настоящее технологическое чудо. Его поверхность, покрытая специальным нанотекстилем цвета изумруда, была оборудована сетью микроскопических гравитационных генераторов, которые создавали сложную картину локальных полей притяжения. Шары, выточенные из редкого титанового сплава и отполированные до зеркального блеска, не катились по сукну, как на старой доброй Земле, а медленно, завораживающе парили в слабом марсианском притяжении, создавая невероятное по красоте зрелище трёхмерного балета. Каждый удар превращался в самый сложный математический расчёт – игроки должны были учитывать не только силу и направление своего кия, но и множество переменных: гравитационные аномалии под столом, сопротивление разреженного воздуха, инерцию парящих шаров и даже микровибрации, создаваемые системами жизнеобеспечения комплекса.

– Эй, Сергей! – громко окликнул один из инженеров, крепкий бородач в нарядной гражданской рубашке, своего товарища, который в данный момент сосредоточенно целился в угловую лузу. – Не забывай про поправку на марсианский дрейф! Здесь тебе не Земля с её привычными полтора!

– Да сам знаю, Петрович! – отозвался тот, прищурив левый глаз и медленно, с хирургической точностью водя полированным кием из местного железного дерева. – Я уже третий год на этом проклятом красном камне коротаю, не учи меня азам! Видишь, как рассчитываю траекторию?

Игрок замер на несколько секунд, вычисляя оптимальный угол атаки, затем плавно отвёл кий назад и нанёс точно выверенный удар. Белый битый шар медленно, словно в замедленной киносъёмке, оттолкнулся от мягкого борта, описал изящную параболическую дугу в воздухе, и, повинувшись законам марсианской физики, коснулся ярко-красного прицельного шара. Тот,

в свою очередь, начал своё неторопливое, почти медитативное путешествие к дальней лузе, плавно вращаясь вокруг собственной оси и переливаясь в свете ламп.

Зал взорвался аплодисментами, одобрительными криками и шутивными комментариями.

– Красота-то какая! – восхищённо воскликнул молодой техник с тонкими чертами лица. – Настоящий марсианский снайпер растёт!

– Да уж, Серёга всегда отличался точностью, – засмеялся его коллега, потирая руки. – А теперь попробуй-ка повторить этот фокус! Ставлю бутылку настоящего земного коньяка против твоих синтетических напитков!

– Принято! – азартно отозвался Сергей, уже подготавливая кий к следующему удару.

В стороне от этого весёлого столпотворения, в уютном полукруглом алькове под роскошной искусственной пальмой с широкими листьями, сидели двое мужчин. Они расположились в мягких кожаных креслах старомодного дизайна, между которыми стоял невысокий столик из полированного металла с двумя стаканами и пепельницей из марсианского оникса.

Алексей Лебедев медленно и задумчиво потягивал синтетический виски из высокого хрустального стакана, украшенного гравированным логотипом комплекса. Наблюдал он за игрой полузакрытыми глазами, но было видно, что мысли его витают где-то далеко от марсианского бильярда.

Рядом с ним устроился Максим Сель, главный инженер космодрома «Арес-Сити» – полная противоположность своего друга. Сегодня Максим буквально светился изнутри каким-то особенным счастьем, которое было заметно даже при приглушённом освещении зала – счастьем человека, стоящего на пороге новой жизни.

– Послушай, Лёх, – начал Максим, осторожно отставляя свой бокал с пенистым марсианским элем местного производства и поворачиваясь к другу всем корпусом. Голос его дрожал от едва сдерживаемого волнения. – Мне до сих пор не верится, что всё это происходит именно со мной. Понимаешь? А скоро... – он запнулся, словно боясь произнести священные слова вслух и тем самым разрушить магию момента, – послезавтра мы с ней поженимся.

Алексей медленно повернул голову и внимательно посмотрел на своего друга. В его глазах плескалось что-то удивительно сложное – искренняя, неподдельная радость за товарища переплеталась с едва заметной тенью собственной печали и горечи, которую он изо всех сил пытался скрыть. Лицо следователя, обычно суровое и непроницаемо сосредоточенное, на несколько мгновений смягчилось, позволив разглядеть за профессиональной маской живого человека с его болью и сомнениями.

– Я искренне рад за тебя, Макс, – сказал он тихо, и в голосе его зазвучала редкая для него теплота, лишённая обычной официальной сдержанности. – Анна действительно замечательная девушка. У неё умные глаза и доброе сердце. Ты заслуживаешь такого счастья, Макс. Заслуживаешь больше, чем кто-либо из наших знакомых.

Максим улыбнулся ещё шире, но в глубине его глаз мелькнула тревога – он слишком хорошо знал своего друга, чтобы не заметить скрытой грусти в его словах.

– Знаешь, – продолжал он, явно стремясь поделиться переполнявшими его чувствами и одновременно как-то растормошить Алексея, – иногда мне кажется совершенно невероятным то, что мы с тобой дружим уже столько лет. Подумай сам: мы живём в абсолютно разных мирах, словно на разных планетах. Ты, Лёх, существуешь в реальности, где люди – это улики, мотивы, детали сложного расследования. Где за каждым поступком, за каждым словом скрывается тайна, которую нужно терпеливо разгадывать. Где человеческие отношения – это система причин и следствий, которую можно препарировать и проанализировать. А я... – он развёл руками в жесте, полном самоиронии, – я живу в мире гаечных ключей и плазменных резаков, двигателей и генераторов, простых и понятных человеческих отношений. Для меня

люди – просто люди, хорошие или плохие, но не загадки. Честно говоря, не знаю, как нам удалось подружиться и сохранить эту дружбу все эти годы.

Алексей задумчиво покрутил стакан между ладонями, наблюдая, как искусственный свет преломляется в гранях хрустала и янтарной жидкости. Усмехнулся он горько, и улыбка эта была похожа на гримасу боли, припудренную космической пылью печального опыта.

– Дружба – это невероятно сложная штука, Макс, – медленно проговорил он, словно взвешивая каждое слово. – Гораздо сложнее любого расследования, с которым мне приходилось иметь дело. Это как сломанный звёздный двигатель в твоих золотых руках – всегда найдётся какая-то деталь, какой-то узел, который может выйти из строя в самый неподходящий, самый критический момент. Всегда есть что-то, что может пойти не так и разрушить всю конструкцию.

– Да что ты опять за мрачные мысли мелешь? – Максим покачал головой, и в его добрых глазах отразилась искренняя тревога за друга. – Ты же прекрасно знаешь, я всегда считал нашу дружбу самым надёжным и прочным, что есть в моей жизни. Мы ведь столько прошли вместе...

– Я знаю, Макс, я прекрасно это знаю, – перебил его Алексей, и в голосе следователя прозвучали глубокие, вьёвшиеся в самую душу нотки усталости – той особой усталости, которая приходит не от физического труда, а от постоянного напряжения ума и сердца. – Я знаю, и ценю нашу дружбу больше, чем ты можешь себе представить. Просто... просто я так устал от сложности всего этого мира. От необходимости постоянно что-то анализировать, во всём искать скрытые мотивы и подводные камни. От того, что даже в простых человеческих отношениях мой проклятый мозг начинает искать преступления и заговоры.

Он замолчал и устремил взгляд куда-то вдаль, мимо играющих людей, за прозрачные стены комплекса, туда, где марсианская ночь уже начинала вступать в свои права. Но смотрел он не на красные дюны и каменные утёсы четвёртой планеты, а в глубины собственной памяти, где хранились самые болезненные воспоминания последних лет.

– Три года назад, – начал он тихо, так тихо, что Максиму пришлось наклониться ближе, чтобы не упустить ни слова, – когда Катя ушла от меня... Я целую неделю не мог понять, что вообще произошло. Представляешь? Мой мозг, натренированный на самых сложных расследованиях межпланетного масштаба, категорически отказывался принять простоту и банальность происходящего. Я искал скрытые мотивы, собирал улики её «странного» поведения за последние месяцы, выстраивал сложнейшие версии и теории. Думал, может, её шантажируют, может, она попала в какую-то переделку, может, за этим стоит вражеская разведка или конкуренты по службе. А она просто... – он сделал большой глоток виски и поморщился, словно напиток внезапно стал горьким, – просто пришла домой в один из вечеров, села напротив меня за кухонный стол и сказала, что полюбила другого. Молодого, красивого, веселого. И что уходит к нему. Вот и всё моё расследование, все мои гениальные дедуктивные способности.

Максим почувствовал, как сжимается его сердце от сочувствия к другу. Он протянул руку и привычно крепко положил её на плечо Алексея. Ладонь инженера была тёплой, мозолистой и удивительно надёжной – той самой надёжностью, которая приходит от многолетней работы руками и честного физического труда.

– Лёх, мне так бесконечно жаль, – искренне сказал он, и голос его дрогнул от переполнявших эмоций. – Я думал, вы с Катей... я был так уверен, что у вас всё серьёзно и надолго. Вы ведь так красиво смотрелись вместе. И она казалась такой влюблённой... Но ты не можешь бесконечно возвращаться к этой травме, тебе нужно ее пережить и забыть вокруг много красивых женщин в хороших, которые не уйдут, если ты доверишься им.

– Я тоже так думал, – Алексей медленно поднял глаза на друга, и Максим с ужасом увидел в этих обычно холодных и пронизательных глазах боль – глубокую, незаживающую боль, которую следователь изо всех сил пытался скрывать за привычной профессиональной маской. – Катя была моим домом, понимаешь? После всех этих бесконечных экспедиций

к далёким звёздам, сложнейших расследований, которые растягивались на месяцы, долгих одиноких дежурств в холодном космосе – она была тем единственным местом во Вселенной, куда хотелось вернуться. Она была моим якорем в реальности, моей гаванью после штормов. А потом внезапно дома не стало. Просто перестало существовать. И я снова остался совершенно один в этой бескрайней, равнодушной Вселенной. Пришлось заново привыкать к одиночеству. И знаешь что? – его губы искривила горькая усмешка, – это, пожалуй, единственное, что мне действительно хорошо даётся в жизни.

В большом зале раздался особенно громкий и заразительный смех – кто-то из игроков в бильярд, видимо, совершил совершенно нелепый, но смешной промах, заставивший битый шар описать невероятную траекторию и улететь совершенно не в ту сторону. Звук этот, такой живой, беззаботный и человеческий, резко, почти болезненно контрастировал с тяжестью и мрачностью их разговора, напоминая о том, что где-то рядом люди просто радуются жизни, не обременённые грузом прошлых разочарований.

– Знаешь, что, Лёх, – Максим ещё крепче сжал плечо друга и наклонился к нему, говоря с особой убедительностью, – а может быть, тебе совсем и не нужно привыкать к одиночеству? Может быть, стоит попробовать иной подход к жизни? Мне искренне нравится с тобой дружить, несмотря на все твои сложности и колючки. Да, ты непростой человек. Да, иногда смотришь на окружающий мир исключительно глазами следователя, а не просто живого человека с его слабостями и потребностями. Да, порой кажется, что ты ищешь преступления даже в безобидных разговорах о погоде. Но при всём этом ты настоящий, Алексей. Ты не притворяешься кем-то другим, не играешь роли для публики, не носишь масок, кроме служебных. Ты честен с самим собой и с окружающими. И поверь мне, это дорогого стоит в наше время всеобщего лицемерия и показухи.

Алексей впервые за весь вечер улыбнулся по-настоящему – не горько, не иронично, не с той болезненной гримасой, которая была ему свойственна в последние годы, а просто, тепло и искренне, как улыбаются старые друзья, понимающие друг друга с полуслова.

– Спасибо тебе, Макс, – сказал он, и в голосе его зазвучала та редкая нотка благодарности, которую он позволял себе проявлять только с самыми близкими людьми. – Спасибо за эти слова и за то, что ты у меня есть. Ты действительно мой лучший друг, пожалуй, единственный настоящий друг, который остался у меня в этой жизни. И я абсолютно искренне рад, что ты нашёл своё счастье с Анной. Она замечательная девушка, и вы созданы друг для друга. И знаешь что? – он решительно поднял свой стакан с виски, – я торжественно обещаю, что обязательно буду на вашей свадьбе.

Они чокнулись, и хрустальный звон их стаканов прозвучал как маленький колокольчик надежды в царстве марсианской ночи. На мгновение показалось, что тяжёлые облака, долгие годы висевшие над их дружбой, наконец-то начинают рассеиваться, уступая место чему-то светлому и обнадеживающему. Алексей даже почувствовал, как где-то в глубине души шевельнулось что-то похожее на забытое ощущение покоя.

Но именно в этот самый момент, когда казалось, что мир становится чуть добрее и понятнее, на запястье Алексея внезапно замигал яркий красный индикатор связи – не привычный жёлтый сигнал рядового служебного вызова, который можно отложить на потом, а тревожно-красный, пульсирующий огонёк высшего приоритета. Это означало только одно: экстренный вызов от штаба Корпуса Развития, требующий немедленного реагирования.

Алексей мгновенно преобразился, словно внутри него щёлкнул невидимый переключатель. Вся расслабленность и человеческая теплота исчезли с его лица, словно их и не было вовсе, уступив место привычной служебной собранности и стальной сосредоточенности профессионала. Движения его стали четкими и экономичными, взгляд – острым и пронизательным. Он поднял руку к коммуникатору, и над ладонью тут же возникла схема среднего раз-

мера – строгий официальный логотип Корпуса Развития в обрамлении золотых пятиконечных звёзд на тёмно-синем фоне.

– Следователь Лебедев на связи, – произнёс он чётко и официально, каждый слог прозвучал как щелчок затвора служебного бластера.

– Лебедев, – раздался из динамика коммуникатора голос дежурного диспетчера центрального штаба – металлический, лишённый всяких эмоций и человеческих интонаций, словно говорил не живой человек, а компьютерная программа. – Ваш корабль «Святогор» экстренно вызывается штабом. Получен приказ о немедленной подготовке к вылету за пределы Солнечной системы.

Максим замер с бокалом в руке на полпути к губам. Веселье и счастье в его глазах мгновенно погасли, словно кто-то задул свечу, уступив место тревожному пониманию того, что их мирная беседа подошла к концу.

– Назовите пункт назначения экспедиции, – спросил Алексей тем же официальным тоном, автоматически переключившись в рабочий режим опытного следователя.

– Звёздная система Глизе-581, экзопланета G, сектор дальних колоний, – отчеканил диспетчер. – Ваша первоочередная задача – провести полное расследование серьёзного инцидента в научной колонии «Первый луч». Согласно предварительным данным, поступившим от автоматических систем мониторинга, там произошло нечто экстраординарное, требующее вмешательства специалиста вашей квалификации. Связь с колонией была внезапно и полностью прервана четыре дня назад, в 15:42 по Гринвичскому времени. Все попытки восстановить контакт оказались безуспешными.

– На Глизе? – не удержался от восклицания Максим, и голос его звучал растерянно и почти испуганно. – Но это же... это на самом краю исследованной части Галактики! Двадцать световых лет от Солнца! Зачем туда Лёху? Там же одни учёные сидят, какие могут быть преступления?

Диспетчер, разумеется, не мог его слышать и продолжал монотонно зачитывать инструкции:

– По данным последнего технического осмотра, ваш корабль «Святогор» находится в отличном техническом состоянии после планового профилактического ремонта, проведённого на верфях Цереры. Все системы функционируют в штатном режиме. Полный экипаж должен собраться на борту не позднее чем через два часа после получения данного приказа. Старт назначен на завтра, 06:00 по марсианскому поясному времени. Маршрут проложен через гравитационные колодцы Юпитера с последующим выходом в межзвёздное пространство.

– Но... – начал было Максим, потом осекся, прекрасно понимая полную бессмысленность любых возражений против прямого приказа штаба.

– Приказ понят и принят к исполнению, – коротко и чётко ответил Алексей, не позволив себе ни малейшего намёка на эмоции. – Экипаж будет готов к назначенному времени.

– Удачной вам экспедиции, следователь Лебедев, – сухо пожелал голос из коммуникатора.

Схема мигнула и погасла. Повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Даже громкий смех игроков в марсианский бильярд теперь казался Максиму издевательски неуместным, словно насмешка судьбы над их короткими мгновениями счастья.

Алексей медленно опустил руку и посмотрел на друга долгим, тяжёлым взглядом.

В этой тишине, наполненной неожиданностью и горечью разлуки, Максим ощутил, как рушится его прекрасно выстроенный мир. А послезавтра – свадьба, которую он планировал уже полгода, продумывая каждую деталь церемонии.

– Лёх, – произнёс он хрипло, и голос его дрожал от едва сдерживаемого отчаяния, – но ведь послезавтра... моя свадьба... Анна уже в пути, она прилетает завтра утром!

Алексей поднял на него глаза, и Максим с ужасом увидел в них то самое выражение, которое появлялось у друга в минуты предельного напряжения – смесь сочувствия и непреклонной решимости. Следователь протянул руку и крепко сжал его плечо, стараясь передать через это прикосновение всю глубину понимания и сожаления.

– Макс, дорогой мой друг, – сказал он медленно, выбирая слова с особой осторожностью, – я понимаю, как тебе больно. Поверь, если бы от меня хоть что-то зависело, я бы ни за что не покинул Марс именно сейчас. Но приказ есть приказ.

– Но почему именно ты? – в голосе Максима прозвучали нотки детского отчаяния, которые он безуспешно пытался скрыть за взрослой рассудительностью. – В Корпусе Развития тысячи следователей! Неужели нельзя было послать кого-то другого? Кого-то, у кого нет лучшего друга, который завтра женится?

Алексей горько усмехнулся, и в этой усмешке было столько печали, что Максим почувствовал укол совести за свои слова.

– Знаешь, Макс, иногда мне кажется, что именно поэтому меня и выбирают для самых сложных миссий, – сказал он тихо, вращая пустой стакан между пальцами. – У меня нет семьи, которую я оставляю дома. Нет детей, которые плачут, когда папа улетает к далёким звёздам. Нет жены, которая ждёт не дожждётся моего возвращения. Я идеальный космический следователь: никого не жалко, ничто не отвлекает от работы. Мобильная боевая единица без лишних привязанностей.

Он замолчал, и Максим увидел, как сжались его кулаки на столешнице. В этом жесте было столько подавленной ярости на собственную судьбу, что инженер почувствовал острый укол сочувствия к другу.

– Извини меня, Лёх, – тихо сказал Максим, искренне раскаиваясь в своих словах. – Я не подумал... не хотел делать тебе больно. Просто я так мечтал, что ты будешь на нашей свадьбе. Анна тоже рассчитывала познакомиться с тобой лично, а не только по моим рассказам.

– Всё в порядке, Макс, – Алексей поднялся из кресла, и движения его были полны привычной служебной решимости. – Передай Анне мои самые искренние поздравления и пожелания счастья. Скажи ей, что её муж – лучший человек, которого я знаю. А когда я вернусь с этого чёртового расследования, мы обязательно отметим вашу свадьбу как следует. Обещаю.

И он исчез в толпе посетителей комплекса, оставив Максима одного за столиком.

Полтора часа спустя Алексей Лебедев шагал по длинным, ярко освещённым коридорам административного комплекса марсианского космодрома «Арес-Сити». Здесь, в этих стерильно чистых проходах с блестящими металлическими стенами и приглушённым гулом систем жизнеобеспечения, царила совершенно иная атмосфера – деловая, сосредоточенная, пропитанная духом дальнего космоса и великих открытий. Каждый человек, встречавшийся ему навстречу – инженеры в рабочих комбинезонах, администраторы в строгих костюмах, пилоты в лётных куртках – двигался с той особенной целеустремлённостью, которая свойственна людям, связавшим свою жизнь с покорением просторов Вселенной.

Служебный коммуникатор на запястье следователя периодически вспыхивал мягким голубым светом, сообщая о поступлении новых данных по делу колонии «Первый луч». Алексей не торопился их просматривать – опыт подсказывал, что предварительная информация часто бывает неполной или вводящей в заблуждение. Лучше начинать расследование с чистого листа, без предвзятых и предварительных теорий.

Но уже сейчас, анализируя скудные факты, которые сообщил диспетчер, Алексей чувствовал характерное покалывание в затылке – то самое ощущение, которое всегда возникало у него в начале по-настоящему сложных дел. Колония «Первый луч» была одним из самых амбициозных проектов программы дальнего освоения космоса. Триста лучших учёных человечества, отправленных на край Галактики для изучения уникальных условий экзопланеты в системе

красного карлика. И вдруг – полная тишина, словно триста человек случайно исчезли с лица Вселенной.

«Нет, – подумал следователь, автоматически просчитывая возможные сценарии происшедшего. – Так не бывает. Люди не исчезают просто так. Особенно триста учёных в изолированной колонии с мощными системами связи и безопасности. За этим стоит что-то конкретное. Что-то, что потребует всего моего опыта для разгадки».

Лифт доставил его на сорок второй этаж административного здания, где располагались личные каюты старших офицеров Корпуса Развития. Алексей прошёл по узкому коридору с приглушённым освещением до двери с надписью «А. С. Лебедев, следователь 1-го класса» и приложил ладонь к биометрическому сканеру. Замок щёлкнул, и дверь бесшумно отъехала в сторону.

Его жилые помещения были спартанскими даже по космическим стандартам: небольшая комната с функциональной мебелью, рабочий стол с терминалом, узкая кровать, встроенный шкаф с личными вещами. Никаких украшений, никаких семейных фотографий, никаких сувениров с далёких миров – только самое необходимое для существования профессионального космического следователя. И всё же эта аскетичная обстановка была ему дорога – здесь он мог позволить себе сбросить служебную маску и просто побыть самим собой.

Алексей быстро собрал свои вещи в стандартный дорожный контейнер: запасную форму, личное оружие, коммуникационное оборудование, несколько книг на планшете. Движения его были автоматическими, отработанными за годы службы до безупречности – он мог собраться к вылету с закрытыми глазами.

Но когда дело дошло до последнего ящика письменного стола, рука его невольно задержалась на небольшой капсуле. Внутри неё хранилось изображение Кати – единственная фотография, которую он сохранил после их разрыва. На снимке она смеялась, запрокинув голову назад, её каштановые волосы развевались на ветру весны, а глаза сияли тем особенным счастьем, которое бывает только у влюблённых людей.

Несколько секунд Алексей смотрел на это изображение, чувствуя знакомую боль в груди. Потом решительно убрал капсулу обратно в ящик и захлопнул его. Некоторые призраки лучше оставлять на Марсе.

Космодром «Арес-Сити» ночью представлял собой поистине грандиозное зрелище. Гигантские посадочные платформы, каждая размером с футбольное поле, уходили вдаль бесконечными рядами, освещённые мощными прожекторами и окружённые сетью обслуживающих механизмов. Над всем этим технологическим великолепием нависало куполообразное поле, защищавшее космодром от марсианских пыльных бурь и перепадов температуры.

Алексей шёл по центральной аллее космодрома, и с каждым шагом его сердце наполнялось тем особенным чувством предвкушения, которое всегда возникало перед дальними экспедициями. Здесь, среди звёздных кораблей самых разных классов и назначений, он чувствовал себя дома. Вот стройный научно-исследовательский корвет «Циолковский», готовящийся к экспедиции к спутникам Юпитера. Там – мощный грузовой транспортник «Магеллан», который завтра направится к астероидным шахтам пояса Цереры. А на дальней платформе виднеется силуэт боевого крейсера «Адмирал Нахимов» – грозного представителя военного космического флота.

Платформа номер семнадцать была занята кораблём особого класса – «Святогор». Это был настоящий космический исполин, крепость в бескрайних просторах, лишённая всякой изящности, но излучающая несокрушимую мощь. Его прямоугольный, блочный силуэт казался собранным из тяжёлых, рубленых модулей – каждая секция выглядела как отдельный монолит, скреплённый с остальным корпусом в единую грандиозную конструкцию. В нём чувствовалась основательность и абсолютная готовность выдержать любые испытания космоса.

Корпус корабля был тёмным, почти чёрным с глубоким оттенком серого, матовым, как обработанный металл, что позволяло ему растворяться в бездне. По его поверхности разбросаны многочисленные технические надстройки – массивные стыковочные узлы, утопленные в корпус орудийные порты, антенны и сенсоры, придававшие ему вид сложного инженерного механизма, продуманного до мельчайших деталей. Линии корпуса были жёсткими и прямыми, подчёркивая его утилитарную природу: никаких лишних изгибов, только функциональность и защита.

Вдоль центральной части борта, там, где матовый корпус встречается с бездной космоса, зелёным светом горел стилизованный символ двуглавого орла – величественный знак, единственное яркое пятно на его массивном теле. Орёл, чётко вырезанный в конструкции корпуса, был эмблемой власти, защиты и принадлежности к Корпусу развития, а его свет служил и навигационным маркером.

В кормовой части возвышались мощнейшие двигатели, излучающие холодное, электрически-голубое сияние. Оно прорезало крошечную тьму, окутывая силуэт корабля призрачным ореолом. В этом свете «Святогор» выглядел живым – громадным, непоколебимым и всегда готовым к действию.

«Красавец», – подумал Алексей, любясь знакомыми очертаниями своего корабля. За три года службы на «Святогоре» он успел привязаться к этому судну как к живому существу. У корабля был характер – иногда капризный, иногда надёжный как скала, но всегда готовый унести свой экипаж к самым далёким звёздам.

У подножия посадочного трапа уже собирались члены экипажа. Алексей издали узнал знакомые фигуры – его команда, проверенная временем и опасностями дальних экспедиций.

Первым его заметил Дмитрий Евдокимов – молодой навигатор с открытым лицом и вечно взлохмаченными светлыми волосами. Парень буквально светился энтузиазмом, характерным для тех, кто только начинает карьеру в дальнем космосе.

– Капитан! – радостно окликнул он Алексея. – А мы уж думали, что вы опоздаете! Рафаэль уже полчаса проверяет системы управления, а доктор Волкова загрузила в медблок столько оборудования, что хватит на целую больницу!

– Время ещё есть, Дима, – спокойно ответил Алексей, поднимаясь по трапу. – А где остальные?

– Пётр уже на мостике, изучает маршрут экспедиции, – доложил навигатор, стараясь не отставать от капитана. – Андрей в машинном отделении – говорит, что хочет лично проверить каждый узел двигательной установки. А Майя в рубке связи, налаживает каналы дальней космической связи.

Внутренние помещения «Святогора» встретили Алексея знакомым гулом систем жизнеобеспечения и характерным запахом озона от работающих очистителей воздуха. Коридоры корабля были широкими и удобными, стены – светло-серыми с голубоватой подсветкой. Всё здесь было спроектировано для долгих автономных полётов: просторные каюты, удобные общие помещения, хорошо оборудованные рабочие отсеки.

Лифт поднял их на командный мостик – сердце корабля. Это было просторное помещение с большими обзорными экранами вместо иллюминаторов, множеством рабочих станций и центральным капитанским креслом. Здесь царила атмосфера сосредоточенной готовности – каждый член экипажа был поглощён своими предполётными обязанностями.

За главным навигационным пультом сидел Пётр Арсеньев – первый офицер «Святогора». Это был мужчина лет сорока, с аскетичным лицом профессионального военного, седеющими висками и пронизательными серыми глазами. Его руки – сухие, жилистые, с длинными пальцами – летали над схемами звёздных карт с точностью хирурга.

– Алексей, – поднял он голову при появлении капитана, – маршрут проложен и проверен трижды. Первый гравитационный разгон у Юпитера, затем выход в межзвёздное пространство

в направлении системы Глизе-581. При оптимальных условиях – семнадцать суток до прибытия на место.

– Хорошо, Пётр, – кивнул Алексей. – А что известно о самой колонии?

Арсеньев коснулся нескольких сенсорных панелей, и над центральным появилась карта системы Глизе-581. Красный карлик, значительно меньше и холоднее Солнца, был окружён несколькими планетами. Одна из них – планета G – медленно вращалась в зоне проекции, покрытая облаками и океанами.

– «Первый луч», – начал докладывать первый офицер своим обычным деловитым тоном. – Научная колония, основанная четыре года назад на экзопланете Глизе-581 g. Население – тысяча девяносто семь человек, все – учёные различных специальностей. Основные направления исследований: экзобиология, планетарная геология, атмосферная физика. Колония полностью автономна, имеет собственные системы жизнеобеспечения, энергоснабжения и связи. Имеется орбитальная станция.

– А что за человек руководит исследованиями? – спросил Алексей, внимательно изучая характеристики планеты.

– Профессор Виктор Иванович Новиков, – Арсеньев вызвал на экран досье среднего возраста мужчины с интеллигентным лицом и пронизательными глазами за очками в тонкой оправе. – Выдающийся астрофизик, автор теории «Дыхания Вселенной».

Алексей нахмурился.

– А что показывают последние отчёты колонии? – продолжил он расспросы.

– В этом-то всё и дело, – Арсеньев выглядел озадаченным. – Последние несколько месяцев отчёты стали... странными. Профессор Новиков сообщал о каких-то «необычных энергетических всплесках».

В этот момент на мостик поднялась доктор Ирина Волкова – главный врач экспедиции. Это была женщина лет тридцати пяти, с тёмными волосами, собранными в строгий пучок, пронизательными карими глазами и уверенными движениями опытного медика. В её облике сочетались профессиональная строгость и едва скрываемая под поверхностью человеческая теплота.

– Капитан, – обратилась она к Алексею, – медблок готов к дальнему полёту. Но я должна сказать, что меня беспокоит отсутствие подробной информации о том, что произошло в колонии.

– Доктор права, – поддержал её Арсеньев. – У нас слишком мало данных для планирования операции.

Алексей задумался. Действительно, лететь к далёкой звезде, не зная, что их ждёт на месте, – это почти авантюра. Но приказ есть приказ, и триста человек могут нуждаться в помощи каждую минуту.

– Будем разбираться по прибытии, – решительно сказал он. – Пока готовимся к худшему и надеемся на лучшее. Сколько времени до старта?

– Четырнадцать часов двадцать минут, – доложил Евдокимов, проверяя хронометр.

– Тогда всем отдохнуть и подготовиться. Завтра нас ждёт долгий путь к звёздам.

Скоро этот корабль понесёт их прочь от уютного света Солнца, в холодную тьму межзвёздного пространства, навстречу тайне далёких звёзд.

5 глава. «Святогор» уходит к звёздам

В бескрайней, пронзительно холодной черноте межзвёздного пространства, где каждый кубический километр пустоты хранит в себе тайны миллиардолетней истории Вселенной, а расстояния настолько чудовищны, что человеческий разум отказывается их постигать, медленно и неумолимо скользил силуэт, который едва могли различить среди бесконечного хаоса космической пыли, газовых туманностей и реликтового излучения Большого взрыва.

Корпоративный корвет «Валькирия» – венец военно-промышленной мощи концерна «Северная Звезда Корпорейшн» – представлял собой воплощение хищной элегантности и беспощадной функциональности, рождённое в недрах секретных конструкторских бюро и доведённое до совершенства инженерной мыслью. Этот корабль был не просто машиной войны – он был философией, воплощённой в металле и композитах, манифестом титанового превосходства в космическую эру.

Корпус корвета, вытянутый и сужающийся к носу подобно готическому шпилю средневекового собора, был выполнен из революционного мета-материала под кодовым названием «Фантом-7» – композита, способного не только поглощать видимый свет во всём спектре, но и активно адаптироваться к любым типам сканирующего излучения, от примитивных радарных волн до сложнейших нейтринных детекторов. Поверхность обшивки переливалась едва заметными оттенками тёмно-серого и чёрного, словно живая кожа какого-то космического левиафана.

По всей длине корабля, от острого носа до массивных сопел главных двигателей, не было ни одной выступающей детали, ни единого ненужного элемента – каждый миллиметр поверхности был подчинён единственной, всепоглощающей цели: оставаться невидимым среди звёзд до того самого момента, когда цель окажется в прицеле и бегство станет невозможным. Даже антенны связи и сенсорные массивы были интегрированы в корпус настолько искусно, что корвет казался монолитным, словно высеченным из единого куска чёрного космического камня.

Вдоль бортов тянулись едва различимые линии – это были скрытые под бронированными панелями сопла маневровых двигателей плазменного типа, способные в считанные доли секунды развернуть семисоттонный корабль в любом направлении с ускорением в двадцать пять земных g – нагрузкой, которая мгновенно превратила бы неподготовленного человека в кровавое месиво. В носовой части, за массивными раздвижными створками, изготовленными из того же фантомного материала, дремали орудийные модули последнего поколения: два тяжёлых плазменных орудия класса «Рагнарёк» и батарея из двенадцати направленных снарядов.

Мостик корвета «Валькирия» был воплощением титановой военной эстетики двадцать третьего века – здесь строгая функциональность дизайна сочеталась с технологическим совершенством инженерной школы и утончённостью искусства. Полукруглое помещение, размерами превышающее концертный зал, было выдержано в благородных тонах тёмно-серого металла и матово-чёрного композита, которые лишь изредка оживлялись холодным голубовато-белым свечением дисплеев и проекционных панелей.

Потолок представлял собой сплошной панорамный экран из стекла, способного воспроизводить изображение окружающего космоса с такой точностью, что создавалось полное ощущение нахождения под открытым звёздным небом. Медленно плывущие среди чёрного бархата пустоты далёкие солнца казались настолько близкими, что хотелось протянуть руку и коснуться их холодного света. Этот технологический шедевр не только обеспечивал экипажу полный обзор окружающего пространства, но и служил мощнейшим психологическим фактором – напоминанием о величии Вселенной и ничтожности человеческих амбиций в масштабах космоса.

Рабочие места операторов были расположены амфитеатром вокруг центрального командного поста – каждая консоль представляла собой произведение эргономического искусства. Кресла, выполненные из тёмной искусственной кожи с памятью формы, автоматически подстраивались под анатомические особенности каждого члена экипажа.

В центре этого технологического храма возвышался командирский пост – не просто кресло, а целый комплекс управления, который в прежние эпохи называли бы тронем. Отсюда капитан мог контролировать каждую систему корабля, от основных двигателей до систем жизнеобеспечения, не делая ни одного лишнего движения. Множество экранов создавали вокруг командного кресла настоящую информационную сферу, в центре которой капитан становился всевидящим оком корабля.

Капитан Изабелла Романова-Нордстрём сидела в своём кресле с той неподвижностью, которая свойственна хищникам высшего порядка в момент наблюдения за добычей. Её фигура – высокая, стройная, каждая линия которой говорила о годах жестокой военной подготовки в секретных академиях – казалась частью самого корабля. Длинные платиновые волосы были убраны в строгую косу, обнажая высокий интеллектуальный лоб и аристократически точёные черты лица, в котором причудливо сочетались холодность и страстность.

Её предки служили в королевских флотах Европы ещё в эпоху парусных кораблей, когда, моря Земли были границей человеческих амбиций. Теперь она продолжала семейную традицию в океане звёзд, и в её венах текла кровь адмиралов и мореплавателей. Высокие скулы и чётко очерченная линия подбородка говорили о скандинавском происхождении, но тёмные, почти чёрные глаза выдавали примесь южной крови – возможно, испанской или итальянской.

Эти глаза сейчас смотрели не на мерцающие дисплеи, не на склонившихся над консолями подчинённых, а куда-то вдаль, сквозь переборки корабля, сквозь холодную пустоту космоса, туда, где среди бесчисленных звёзд скрывалась их цель. В этом взгляде не было ни нетерпения, ни тревоги – только абсолютная концентрация профессионального бойца, который уже мысленно держит жертву в прицеле, но терпеливо ждёт идеального момента для выстрела.

Её руки покоились на подлокотниках командного кресла с той неподвижностью, которая обманчива – под кажущейся расслабленностью скрывалась готовность к мгновенному действию. Пальцы, длинные и изящные, могли в долю секунды активировать любую систему корабля или отдать приказ, который решит судьбы тысяч людей. На безымянном пальце левой руки поблёскивало фамильное кольцо с гербом древнего дворянского рода – единственное украшение в её строго функциональном облике.

Форма капитана была выдержана в традиционных для концерна «Северная Звезда» цветах – тёмно-синий китель с серебряными знаками различия, чёрные брюки с лампасами и высокие сапоги из натуральной кожи. На левом плече красовался шеврон с эмблемой корпорации – стилизованной восьмиконечной звездой на фоне шара. Этот знак означал не только принадлежность к элитному корпоративному флоту, но и клятву верности идеалам технологического превосходства.

Экипаж «Валькирии» представлял собой тщательно отобранную команду специалистов высшего класса – людей, которые прошли не только техническую подготовку в лучших военных академиях, но и психологический отбор на предмет способности существовать в атмосфере холодного профессионализма и безупречного выполнения долга. Каждый из них был готов умереть за интересы корпорации, и что ещё важнее – готов убить любого, кто встанет на пути выполнения миссии.

В течение последних четырёх часов на мостике не прозвучало ни одного лишнего слова, ни одной фразы, которая не была бы продиктована служебной необходимостью. Операторы склонялись над своими консолями словно средневековые монахи-переписчики над древними манускриптами, и в их движениях была та же самозабвенная преданность делу. Лишь изредка

кто-то из них поднимал глаза, встречался взглядом с коллегой и едва заметно кивал – этого минимального общения было более чем достаточно для безупречной координации действий.

Тишина мостика прерывалась только тихим, монотонным гудением силовых установок – звуком, который давно стал для экипажа музыкой родного дома, колыбельной песней космических странников. Этот звук говорил о том, что все системы корабля работают в штатном режиме, что реакторы стабильно вырабатывают энергию, а плазменные двигатели готовы в любой момент разогнать корвет до субсветовой скорости.

Старший оператор связи – лейтенант Максимилиан фон Штрауб, потомок древней австрийской аристократической фамилии – склонился над своей консолью так низко, что его аккуратно подстриженная светлая борода почти касалась дисплея. Его холодные голубые глаза, цвета арктического льда, неотрывно следили за потоками зашифрованной информации, которые поступали с дальних радиомаяков и ретрансляторов, разбросанных по всему сектору.

Руки лейтенанта, покрытые тонкой сетью шрамов – следами старых ранений, полученных в боях за корпоративные интересы в секторе Центавра, дрожали от напряжения, когда он настраивал чувствительность приёмных антенн, пытаясь выловить в океане космических помех тот единственный сигнал, который расскажет им о судьбе тайного агента, внедрённого в исследовательскую колонию «Первый луч».

Долгие минуты тянулись, словно часы, и каждая секунда ожидания отдавалась болью в висках у каждого члена экипажа. Все понимали важность момента – от информации, которую сейчас пытается получить оператор связи, зависит не только успех их миссии, но и судьба всей корпоративной экспансии в этом секторе галактики. Ставки были настолько высоки, что даже самые опытные ветераны космических операций чувствовали, как учащённо бьются их сердца.

Наконец, после мучительных минут ожидания, когда казалось, что само время застыло в ледяных объятиях космической пустоты и каждый атом воздуха на мостике был пропитан напряжением, на лице лейтенанта фон Штрауба появилось выражение сдерживаемого торжества. Его тонкие губы дрогнули в подобии улыбки, а в арктически холодных глазах на мгновение вспыхнул огонёк удовлетворения.

Он медленно поднял голову, и его голос, хотя и был сдержан до предела, прозвучал в гробовой тишине мостика подобно торжественному аккорду органа в готическом соборе:

– Подтверждено, капитан. Наш оперативный агент под кодовым именем «Энгель» успешно выполнил порученную миссию. Согласно временным меткам зашифрованной передачи, взрыв в исследовательской колонии «Первый луч» произошёл точно в назначенный момент – в 14:37 по корабельному времени. Сигнал был передан по сверхсекретному протоколу «Чёрная вдова». Перехват сообщения противником исключён.

Капитан Изабелла медленно повернулась к оператору связи, и в этом движении была та грация, которая свойственна хищным кошкам больших размеров – плавная, обманчиво неторопливая, но таящая в себе смертельную опасность. Её тёмные глаза, в которых отражались холодные звёзды с потолочного дисплея, остановились на лице лейтенанта, и тот, несмотря на свою аристократическую выдержку и годы военной подготовки, невольно выпрямился в кресле под этим пронзительным взглядом.

– Детали операции, лейтенант, – произнесла она, и в её голосе не было ни нотки нетерпения или беспокойства. Это был не вопрос и не приказ, а простая констатация факта: информация должна быть предоставлена полностью и немедленно, потому что так требуют интересы корпорации и успех миссии.

Максимилиан сглотнул и снова склонился над своей консолью, его длинные пальцы заработали по клавишам с точностью пианиста-виртуоза, вызывая на экран потоки расшифрованных данных, временных меток, координат и секретных кодов:

– Подробности операции остаются засекреченными даже для нас, капитан. Штаб-квартира концерна в Новой Женеве не отвечает на наши прямые запросы – действует стандартный

протокол многоуровневой информационной безопасности. – Он сделал паузу, собираясь с мыслями. – Однако, согласно данным нашего предварительного анализа перехваченных радиопереговоров диспетчерских служб и информации, полученной от орбитальных наблюдательных постов, установлено следующее: целью диверсионной операции являлась исследовательская колония «Первый луч» в звёздной системе Вольф 359, где группа учёных Корпуса Развития проводила сверхсекретные эксперименты в области квантовой механики и пространственной инженерии.

Лейтенант замолчал на мгновение, его взгляд скользнул по строкам данных на дисплее, и в этом взгляде читалось понимание всей серьёзности ситуации:

– По нашим расчётам, основанным на мощности взрывного устройства и конструктивных особенностях исследовательской станции, учёные должны были получить доступ к интересующим нас материалам незадолго до детонации. – Его голос стал ещё более официальным. – Теперь... согласно всем объективным данным, эти материалы были полностью уничтожены вместе со станцией и всем, что на ней находилось.

По мостику корвета прокатилась едва заметная волна напряжения, словно электрический разряд пробежал по нервам каждого присутствующего. Все члены экипажа отлично понимали, ради чего они находятся здесь, в этой бесконечной космической пустоте, так далеко от уютных городов колоний.

Секретные научные разработки Корпуса Развития в области квантовой физики, теории суперструн и пространственно-временной инженерии могли дать концерну «Северная Звезда» решающее технологическое преимущество в беспощадной корпоративной войне за право называться властителями галактики.

Капитан Изабелла медленно поднялась со своего командного кресла, и каждый миллиметр этого движения был продуман и выверен. В её жестах не было ни малейшего признака разочарования или гнева – только холодное, методичное обдумывание изменившихся обстоятельств, поиск новых возможностей и альтернативных путей достижения цели. Она сделала несколько шагов к центру мостика, её высокие каблуки выстукивали по композитному полу ритм, подобный отчёту метронома – размеренный, неумолимый, гипнотический.

– Наш первоначальный план операции «Сумеречный ворон» не предполагал, что кто-либо из персонала исследовательской колонии сможет выжить после детонации заряда, – произнесла она медленно, отчётливо артикулируя каждое слово, и в её голосе послышались стальные обертоны, подобные звону древнего толедского клинка, извлекаемого из ножен перед дуэлью. – Мы рассчитывали на полное и безоговорочное уничтожение объекта вместе со всем находящимся на нём персоналом, оборудованием и, что самое важное, всеми носителями информации – как физическими, так и электронными.

Она остановилась перед большой картой звёздного неба, которая занимала значительную часть центральной зоны мостика, и её силуэт на фоне мерцающих звёзд казался силуэтом древней богини войны, размышляющей о судьбах смертных.

– Выжившие свидетели и, что ещё хуже, возможные носители секретной информации представляют собой неучтённый фактор, который может кардинально изменить всю стратегию нашей миссии, – продолжила она, и каждое слово падало в тишину мостика, как капля кислоты на металл. – Но именно в таких ситуациях и проявляется истинное мастерство военного стратега.

Лейтенант фон Штрауб нервно провёл языком по пересохшим губам. Ему совсем не хотелось быть тем человеком, который приносит командиру неприятные известия, способные разрушить тщательно выстроенные планы операции, но священный долг перед корпорацией и личная преданность капитану были превыше любых опасений:

– Мы... мы действительно не могли предвидеть такое развитие событий, капитан. Все наши разведывательные данные, полученные агентурной сетью за последние восемнадцать

месяцев, однозначно указывали на то, что исследовательская колония «Первый луч» является обычной научной станцией с минимальным гражданским персоналом и стандартными системами защиты. – Он сделал паузу, вызывая на дисплей архивные данные.

Капитан медленно кивнула, принимая к сведению эту информацию, но не показывая ни малейших признаков того, что неожиданный поворот событий как-то обеспокоил её. Напротив, в её тёмных глазах появился новый блеск – блеск охотника, который понимает, что дичь оказалась не такой лёгкой добычей, как предполагалось изначально, и от этого охота становится только интереснее.

– В таком случае, джентльмены, – сказала она, поворачиваясь лицом к своей команде, и её взгляд медленно скользнул по лицу каждого оператора, задерживаясь ровно столько, чтобы каждый почувствовал на себе всю силу её внимания, – мы будем импровизировать. План операции изменился, но наша конечная цель остаётся неизменной: любой ценой заполучить секретные разработки Корпуса Развития в области технологий. Не допуская их в руки Развития.

Она сделала паузу, позволяя своим словам достичь сознания каждого члена экипажа, и в наступившей тишине можно было услышать, как учащённо бьются сердца этих закалённых в космических баталиях людей.

– Мы направляемся к координатам взрыва немедленно и на максимальной скорости. – Её голос приобрёл командные интонации, не терпящие возражений.

Капитан подошла ближе к центральной карте, где среди множеств звёзд медленно пульсировала красная точка – их цель.

– Но мы – хищники высшего порядка, – продолжила она, и в её голосе появились новые обертоны, напоминающие низкое рычание большой рыси, затаившейся в засаде перед решающим броском. – И наша специализация – охота на самую опасную и умную дичь во Вселенной: на людей, обладающих секретными знаниями. Если кто-то из исследовательского персонала колонии действительно сумел выжить в этом аду, если у них сохранились копии экспериментальных данных или, что было бы ещё более ценно, сами физические носители информации или даже живые свидетели, способные воспроизвести результаты экспериментов...

Она замолчала, и в этой паузе каждый член экипажа чувствовал, как адреналин начинает поступать в кровь, готовя организм к предстоящей схватке.

– Тогда охота обещает стать значительно более интересной и прибыльной, чем мы предполагали изначально.

Старший навигатор – командер Бьёрн Андерсен, седовласый ветеран дальних космических переходов, не поднимая головы от своих сложнейших астронавигационных вычислений, произнёс своим хриплым голосом:

– Мы находимся на оптимальном курсе к системе Вольф 359, капитан. Расчётное время прибытия к координатам бывшей исследовательской колонии «Первый луч» составляет ровно семьдесят три часа, восемнадцать минут и сорок четыре секунды при сохранении текущего режима работы главных двигателей. – Он поднял свои голубые глаза и посмотрел на капитана. – Но если по пути мы встретим кого-то из возможных выживших... если они попытаются покинуть систему на эвакуационных шаттлах или передать секретную информацию через дальнюю космическую связь...

– Тогда, командер Андерсен, – перебила его капитан, и её губы тронула едва заметная улыбка – холодная и острая, как лезвие скальпеля, – мы получим уникальную возможность узнать, что именно они пытаются так отчаянно сохранить и передать. – Она снова взглянула на карту, где среди бесчисленных звёзд мерцала их цель – уже не просто точка в космосе, а символ вызова, загадка, которую предстояло разгадать любой ценой. – И мы возьмём это. Любой ценой. Любыми средствами.

Капитан Изабелла Романова-Нордстрём чувствовала, как в её груди, где когда-то билось сердце обычной женщины, теперь разгорается то особенное, почти мистическое чувство пред-

вкушения, которое знакомо каждому прирождённому охотнику перед началом самой важной и опасной охоты в его жизни. Это было не просто профессиональное удовлетворение от хорошо выполненной работы – это была страсть, наркотик, ради которого она готова была пожертвовать всем.

В этот момент наступило тягостное молчание, которое нарушал только монотонный гул корабельных систем. Каждый член экипажа понимал, что за внешним спокойствием капитана скрывается напряжённая работа выдающегося тактического ума. Изабелла не была из тех командиров, которые позволяют эмоциям влиять на принятие решений, но те, кто служил под её началом достаточно долго, научились читать едва заметные сигналы её внутреннего состояния.

6 глава. «Валькирия» в тени

Гул и вибрации, что наполняли «Святогор» во время импульсного прыжка, внезапно исчезли, словно космос проглотил последние отголоски рукотворной бури. Корабль вынырнул из небытия кривизны пространства-времени, и за массивными иллюминаторами снова воцарилась знакомая, холодная тишина бесконечности. Маршевые двигатели перешли на обычный режим, и по всему корпусу пробежал мягкий, успокаивающий гул – как дыхание исполинского зверя, пробудившегося от глубокого сна.

Следователь Алексей стоял у главного экрана мостика, его высокая фигура застыла в напряжённой готовности. Широкие плечи, затянутые в тёмно-синий китель Корпуса Развития, едва заметно поднимались и опускались в размеренном ритме. За внешним спокойствием скрывалось то особое напряжение, что всегда охватывало его в момент прибытия в неизвестные места – смесь предвкушения открытий и тревоги перед неизвестным. Ощувив лёгкое покалывание в кончиках пальцев – отголосок пережитой перегрузки от прыжка, – он медленно разжал кулаки и перевёл взгляд на звёздную карту.

Впереди, в чёрной бездне космоса, светилась красноватая точка – Глизе-581-g, планета, которая должна была стать их домом на ближайшие недели. Странно тревожное свечение окутывало далёкий мир, будто предупреждая о скрытых опасностях.

– Выход из прыжка выполнен идеально, друзья следователь, – доложил навигатор Дмитрий Евдокимов, его молодой голос звенел от профессионального удовлетворения. Двадцатидесятилетний уроженец Калуги не мог скрыть гордости – ещё один безупречный расчёт, ещё одно подтверждение того, что кровь деда-ракетчика течёт в его жилах не зря. – Никаких отклонений по курсу, все параметры в пределах нормы. Точность выхода составляет девяносто девять целых семь десятых процента.

Лебедев кивнул, не отрывая стального взгляда от планеты. В глубине серо-голубых глаз плясали отблески экранов – тысячи крошечных огоньков данных, складывающихся в мозаику истины, которую ему предстояло разгадать.

– Отличная работа, Дмитрий, – его голос был ровным, но в интонациях чувствовалось тепло признательности. – Начинайте полное сканирование системы. Мне нужен детальный анализ поверхности планеты и орбитального пространства. Каждая аномалия, каждый энергетический след, любые остатки, что могли бы объяснить причину взрыва на колонии «Первый луч».

На мостике воцарилась рабочая тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом потоков данных и мерным гулом систем жизнеобеспечения. Офицеры склонились над своими консолями, пальцы стремительно танцевали по клавиатурам.

Первый офицер Пётр стоял у тактической станции, его суровое лицо было непроницаемо, как маска. Бывший военный, прошедший огонь и воду ликвидации аварий на орбитальных станциях, он изучал показания сенсоров с методичностью шахматиста, просчитывающего комбинацию на десять ходов вперёд. Каждая морщинка на его лице говорила о годах службы в самых опасных уголках космоса, где одна ошибка могла стоить жизни всему экипажу.

– Первичное сканирование завершено, – доложил он, поворачиваясь к Лебедеву. – Планета выглядит... необычно. Энергетические показатели превышают норму на двенадцать процентов. Возможны остаточные явления от взрыва, но природа аномалии пока неясна.

Через несколько минут напряжённого молчания на мостике воцарилась та особая тишина – тишина людей, сосредоточенных на выполнении сложной и опасной задачи.

Алексей остановился у центрального кресла командира, его лицо озарилось холодным светом звёзд. Мысли роились в голове, как рой встревоженных пчёл – слишком много неизвестных в этом уравнении, слишком много вопросов без ответов.

– Следователь, – позвал молодой техник-оператор, не в силах сдержать тревогу. – А как вы думаете, почему взорвалась станция? Ведь «Первый луч» был одним из самых защищённых исследовательских комплексов в этом секторе.

Взгляды всех членов экипажа устремились на Лебедева. В наступившей тишине слышалось лишь мерное гудение систем корабля и тихое потрескивание статических разрядов на экранах.

– Это именно то, что нам предстоит выяснить, – ответил Лебедев, но в глубине души его терзали тёмные подозрения.

– Но ведь это не просто техническая авария, – сказал инженер Дарвин, не выдержав напряжения. – Взрывы такой силы... Это могло быть диверсией. В наше время, когда нарастает напряжённость между корпорациями и Землёй...

Он развёл руками, обводя взглядом товарищей.

– Посмотрите на карту, друзья. На старой планете остались лишь Русский Корпус Развития, Африканский Союз, Китайская Народная Республика и Индийская Федерация – там сосредоточена основная часть человечества, почти четыре миллиарда душ. – он развёл руками. – Европейцы, американцы, арабы – все покинули Землю, создали свои космические корпорации, построили колонии.

Связист Майя Чен кивнула, её голос звучал печально:

– И теперь каждая корпорация – это, по сути, независимое государство. У них свои флоты, свои технологии, свои интересы.

– Каждый год напряжение только усиливается, – добавил Евдокимов, нервно теребя край планшета. – Торговые войны, территориальные споры, технологическая блокада... Дедушка всегда говорил, что звёзды объединят человечество, а получается наоборот – мы разбежались по галактике, как осколки взорвавшейся планеты.

Арсеньев подошёл к главному экрану, его суровое лицо стало ещё мрачнее.

– Ты думаешь, взрыв на «Первом луче» – это начало чего-то большего? – обратился он к Дарвину. – Что кто-то из корпораций решился на агрессию?

Дарвин утвердительно кивнул, сжимая в руке портативный плазменный резак – свой неизменный талисман.

– Я боюсь именно этого. Исследовательская станция такого уровня не может просто взорваться от технической неисправности. Слишком много защитных систем, слишком много дублированных контуров безопасности. – Он постучал резак по ладони. – Если это диверсия, то мы можем стоять на пороге первой космической войны.

По мостику пробежал холодок тревоги. Офицеры переглядывались, в их глазах читались одни и те же мысли – неужели человечество, едва вырвавшееся к звёздам, уже готово поливать космос кровью?

– И что, по-вашему, мы должны предпринять? – спросил Лебедев, его голос оставался спокойным, но в интонациях появились стальные нотки.

– Немедленно доложить командованию Корпуса о наших подозрениях, – сказал Арсеньев, выпрямляясь в струнку. – Если это действительно диверсия, наш штаб должен знать об этом. Возможно, нужно усилить охрану других исследовательских станций.

Лебедев медленно покачал головой, его взгляд устремился к главному экрану, где красноватая станция медленно вращалась в космической пустоте.

– Нет. Мы не будем докладывать о подозрениях. По крайней мере, не сейчас.

– Но следователь... – начал было Арсеньев.

– Наша цель – не политические спекуляции, – прервал его Лебедев, поворачиваясь лицом к экипажу. В его голосе звучала непререкаемая убеждённость. – Наша единственная задача – выяснить, что в действительности произошло на станции «Первый луч». Почему взорвались

реакторы. Почему погибли люди. И только когда мы будем располагать фактами, а не предположениями, мы сможем сделать правильные выводы.

Он снова повернулся к главному экрану, где красноватый диск станции медленно увеличивался в размерах.

– Мы здесь не для того, чтобы разжигать межкорпоративные конфликты, – произнёс он тихо, но каждое слово отчётливо разнеслось по мостику. – Мы здесь, чтобы найти истину.

Лебедев обвёл взглядом своих людей – этих смелых сердец, готовых следовать за ним на край галактики.

– Приступайте к детальному сканированию планеты и орбитального пространства. Майя, установите прослушивание всех частот. Дмитрий, рассчитайте оптимальную траекторию подхода – нам нужно оказаться над местом катастрофы как можно скорее. Андрей, проверьте все системы корабля – мы не знаем, с чем столкнёмся там, внизу.

– Есть, следовательно! – дружно отозвался экипаж.

И «Святогор» устремился к красноватой станции, неся в своих недрах решимость людей, готовых разгадать тайну.

Пилот Рафаэль Вега коснулся рукой пульта управления, словно старый морской волк, проверяющий снасти перед штормом. Этот жест – древний, как само мореплавание – он унаследовал от предков-моряков, чьи каравеллы когда-то прокладывали путь через земные океаны. В его движении чувствовалась та же благоговейная осторожность, с которой капитаны старинных галеонов касались штурвала в беспокойных водах.

– Алексей, – произнёс он, поворачиваясь к следователю, и в его акценте причудливо переплетались мягкие испанские интонации с резкими русскими согласными, – я не разделяю оптимизма Андрея насчёт технических неполадок. Мой дед служил на первых межпланетных транспортных кораблях, когда корабли ещё взрывались от перегрева реакторов или разгерметизации. Но «Первый луч» ... Даже если бы все компьютеры вышли из строя одновременно, резервные биологические процессоры должны были предотвратить катастрофу.

– Знаете, что меня больше всего беспокоит? – продолжил Вега, барабанив пальцами по панели управления в ритме старой андалусийской мелодии, которую напевала ему в детстве мать. – Эти титановцы со своими новыми кораблями. Слишком уж агрессивны они себя ведут в последнее время. Их корабли были замечены в секторе Гомер всего три недели назад. Официально – картографические работы, но кто их знает...

Арсеньев резко обернулся, в его серых глазах мелькнула тревога – не та показная тревога, которую он демонстрировал перед младшими офицерами, а настоящая, глубинная.

– Знать бы точно – в его голосе прозвучали стальные нотки, знакомые всем, кто служил под его командованием. Это был голос человека, который привык проверять каждую деталь, каждую мелочь, способную повлиять на жизнь и смерть людей.

Дарвин, склонившийся над консолью энергетических систем, поднял голову, его добродушное лицо потемнело от тревоги.

– Титановая Корпорация становится всё агрессивнее, – сказал он, машинально поглаживая портативный плазменный резак, словно талисман. – Сотрудник безопасности работает на торговой станции «Новый Гамбург» – он рассказывает, что их патрули стали останавливать наши грузовые суда, требовать досмотра. Формально они имеют право – это спорная территория, но раньше подобной наглости за ними не водилось.

Лебедев стоял спиной к экипажу, его широкие плечи были напряжены, словно тетива лука перед выстрелом. В отражении на экране главного обзора было видно, как его лицо меняется – исчезают последние следы усталости, глаза становятся острее и холоднее, как у охотника, учувшего добычу.

– Пётр, – обратился он к первому офицеру, не поворачиваясь, – ты что-нибудь слышал о деятельности их флота в нашем секторе?

Арсеньев на мгновение замялся – редкое для него состояние. Человек, который привык давать чёткие, выверенные ответы, вдруг ощутил, что стоит на зыбкой почве догадок и предположений.

– Официальной информации нет, – сказал он наконец, – но... есть слухи. Неподтверждённые данные о том, что титановцы проводят какую-то засекреченную программу исследований. Что-то связанное с новыми формами энергии. Возможно, они ищут способы обойти наши технологические преимущества.

Связист Майя Чен, которая до этого молча слушала разговор, подняла голову от своей консоли. В её тёмных глазах – наследство дальневосточных предков – мелькнуло беспокойство.

– А что, если всё намного проще? – сказала она тихо, но в наступившей тишине её слова прозвучали как гром. – Что, если они просто решили устранить конкуренцию? «Первый луч» был нашей самой передовой исследовательской станцией. Профессор Новиков работал над проектами, которые могли бы дать нам технологическое преимущество на десятилетия вперёд.

– Виктор Новиков, – задумчиво повторил Лебедев, и в его голосе послышались странные интонации – смесь уважения и тревоги. – Блестящий учёный. Харизматичный лектор. Человек, способный зажечь аудиторию одними словами...

Он повернулся к экипажу, и все увидели, что лицо следователя стало серьёзным, почти суровым.

Евдокимов нервно поправил планшет с навигационными данными.

– Следователь, а может быть, профессор Новиков действительно открыл что-то важное?

– Первым делом нужно убедиться, что он в норме и не сошел с ума.

Лебедев повернулся к ней, в его глазах мелькнул интерес. Ирина была не только отличным врачом, но и тонким антропологом – её мнение о людях редко оказывалось ошибочным.

– Объясни свою мысль, Ира, – попросил он.

Волкова подошла к главному экрану, её движения были точными и уверенными – движения человека, привыкшего работать в условиях, где каждая секунда может стоить жизни пациенту.

– Я изучила его последние работы, – сказала она, скрещивая руки на груди в характерном жесте. – Видите ли, как врач я умею распознавать признаки психических отклонений. И то, что писал Новиков в последние месяцы... это очень напоминает религиозный экстаз пополам с манией величия.

Она повернулась к экипажу, её голос стал тише, но от этого ещё более убедительным.

– Он стал утверждать, что космос – это живое существо, что звёзды и планеты связаны между собой некой энергетической сетью, которую он называл «Дыханием Вселенной».

– Но ведь это же бред! – воскликнул Дарвин, взмахнув плазменным резаком. – Космос – это пустота, разреженный газ, электромагнитные поля. Никакой мистики!

– Ты прав, Андрей, – кивнула Волкова. – Но попробуй объяснить это человеку, который искренне верит в свою миссию спасения человечества. Новиков мог пойти на любые эксперименты, лишь бы доказать свою правоту. А если эти эксперименты включали в себя работу с неизученными формами энергии...

– То взрыв мог быть неизбежен, – закончил за неё Арсеньев. – Чёртов фанатик подорвал станцию вместе со всеми людьми, пытаясь установить контакт с «космическим разумом».

Но Лебедев медленно покачал головой.

– Это слишком просто, Пётр.

– Люди меняются, Алексей, – тихо сказала Волкова. – Особенно когда их разум поражен навязчивой идеей. Я видела, как добрые, разумные люди превращались в монстров под влиянием психических расстройств.

Наступила тягостная пауза. Каждый из присутствующих пытался представить себе последние дни станции «Первый луч» – были ли это дни открытий и надежд, или дни безумия и ужаса?

– А что, если мы все ошибаемся? – вдруг сказал Вега, его голос прозвучал странно в наступившей тишине. – Что, если ни титановцы, ни безумие Новикова не имеют отношения к взрыву? Что, если причина кроется в чём-то совершенно ином?

Все взгляды устремились на него.

– Поясни, Рафаэль, – попросил Лебедев.

Пилот встал и подошёл к окну-иллюминатору, за которым простиралась космическая бездна. Красноватый диск планеты Глизе-581-g медленно увеличивался в размерах, его поверхность покрывали причудливые узоры облаков и континентов.

– Мой предок был капитаном дальнего плавания, – сказал он задумчиво. – Он рассказывал мне истории о морях, которые внезапно начинали кипеть без всякой причины, о кораблях, которые исчезали в ясную погоду. Океан был полон тайн, которые наука не могла объяснить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.